

"«Матросская тишина»"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Б. К. Седов

«Матросская тишина»

Часть 1

Подстава

Глава первая

Казино, блондинка и бои без правил

Тощий, как жердь, бледный крупье в появившемся к утру фирменном прикиде в который раз за ночь мысленно выmaterил сидящего напротив клиента. Этот тип изрядно достал за сегодняшнюю ночь всю службу казино. Кент был приметный – смуглое от загара лицо, рельефные скулы, жилистые руки, упругий торс. Строгий стильный прикид. На руке – часы «Картье» с бриллиантами, стоимостью не меньше новой иномарки среднего класса. Неторопливые движения Крутого Босса. Выбритая рожа перекошена, в глазах плещется злорада. Одним словом – жуткий тип. С таким лучше стыков не иметь. Порвет, как Тузик грелку.

Впрочем, если не считать представителей многочисленных ОПГ, как раз из таких вот упакованных до ушей в фирму мужиков с кирпичными мордами и липнувших к ним телок с кошельком вместо сердца и состояла клиентура столичных казино. От них всех исходил запах денег. Здесь, в игорном доме, им было пропитано буквально все.

Этот тип играл без азарта, но рискуя и не жалея бабок. Ставил фишки вроде бы бессистемно, однако шарик, словно приговоренный, несколько раз подряд отмечался на указанной им цифре «13».

Впрочем, болт с ним, придурком. За время работы в «Трех картах» крупье насмотрелся такого, что хоть садись книжки писать. Вот прошлой зимой обдолбившийся тюменский отморозок как ни в чем не бывало разложил свою грудастую соску прямо на гардеробной стойке и жарил ее до победного конца. Причем предварительно замочил из волыны двух охранников, которые вздумали вежливо призвать его к порядку. Тут такое шоу бывает.

Однако минут через пять питт-босс Васо в сопровождении амбала Толика подойдет к этому душой «вышедшему в астрал» придурку и мягко напомнит, мол, сори, братан генацвале, закрывается лавочка. Вечером приходи, милости просим, мы, биджо, завсегда гостям рады. Но сейчас – пшел вон мелкими шагами. Только это все будет чуть позже. А пока, хочешь тебе или нет, нужно делать фейс кирпичом и отрабатывать свой шестой номер заодно с зарплатой...

Тщетно пытаюсь придать своему голосу толику бодрости, крупье принял фишки и, выдавив привычно безликое «ставки сделаны, ставок больше нет», запустил рулетку.

Пробежав по кругу, шарик замер на цифре одиннадцать. Крупье мягко остановил рулетку, с непроницаемым лицом сгреб лимонного цвета кружочки, бросил их в чрево «банка» и сообщил:

- К сожалению, вы проиграли. Будете еще ставить?

На стол россыпью упали все кучкой лежащие рядом с игроком фишки. Хриплый, глухой голос тихо бросил:

- Ва-банк. На тринадцать.

Однако! Вот это и называется красиво закончить! На такой риск способны считанные единицы.

Блондин, мельком оглянувшись на кивнувшего питт-босса, профессионально сгреб брошенные клиентом фишки и, манипулируя гибкими пальцами, быстро выстроил из кружков четыре с половиной столбика. Сорок пять тысяч рублей – это сильно. В случае успеха выигрыш мужику обламывался просто ломовой. Только вот шанс срубить под корень большую капусту был чертовски мал...

Но этот тип, куривший одну сигарету за другой и потягивавший текилу, явно не принадлежал к числу набитых зеленью тупорылых кутил и убогих на голову фанатов халявного счастья. Он был слеплен из другого теста. Крупье готов был поклясться, что происходящее совершенно не волновало этого странного мужика. Брезгливо скривив тонкие губы, мыслями он был далеко от игрового стола, думал о чем-то своем, медленно, но глубоко затягивался, пускал через нос струи сизого дыма, щелкая инкрустированной бриллиантами золотой зажигалкой «зипповинчестер». О цене такой VIP-безделушки знаменитой американской фирмы можно было только догадываться...

Крупье в который раз оторвал взгляд от замедляющего бег шарика и скользнул покрасневшими глазами по восковому лицу рискованного игрока.

Если бы уставший за смену долговязый парень в униформе обладал чудесным даром читать чужие мысли, то, очень возможно, согласился бы: игроку действительно было о чем пораскинуть мозгами. И крепко.

Крупье смог бы узнать, что зовут ночного везунчика просто – Виктор Анатольевич. Фамилия так вообще не подкачала, древняя, сибирская, звучная – Киржач. Узнал бы, что несколько месяцев назад этот тип был фактическим хозяином Усть-Озернинска – крохотного провинциального городка на периферии Ленобласти. Здесь находился нефтяной терминал, качавший в Европу «черное золото». Будучи одним из главных доильщиков этой драгоценной жилы, Киржач имел все, что можно пожелать, – бешеные деньги, власть и будущее в радужных тонах (с красивым зеленым отливом.)

Теперь, увы, ничего этого нет. Где-то по-прежнему существует долбаный Усть-Озернинск. Качает черную кровь огромный экспортный терминал на берегу Финского залива. Бурлит текущая в танкеры маслянистая нефть. А его, Киржача, нет!!! Потому что недавно произошло то, что не должно было произойти *никогда!!!*.

На самом вершине чертовски рассерженные проделками ставленника козырные тузы во главе с Самим приняли – из-за ерунды!!! – неслыханное решение. После которого заместителя мэра новой нефтяной столицы «по вопросам строительства и инвестиций» с трудом отмазали от пяти лет тюрьмы. А потом, как облезлого кота, нагадившего в ботинки хозяина, обожравшегося халявной сметаной и нализавшегося валерьянки, его обобрали до нитки, а затем, больно дав тяжелым сапогом под хвост, выгнали за ворота. Без надежды вернуться к этой кормушке и без средств к существованию. Разве можно всерьез назвать деньгами те жалкие пятьсот тысяч баксов, оставленные ему для того, чтобы «первое время с голоду не сдох»?! Пыль, мусор, по сравнению с тремя миллионами долларов ежегодного дохода, которые он потерял. А еще «конфискованная за плохое поведение» вилла на французском Лазурном берегу, небольшой домик в пригороде Монте-Карло и три спиртовых завода в Ленобласти – все отобрали!..

А все из-за чего?! Или, точнее, из-за кого?!

Из-за одного никчемного, проклятого повара!!! Баклана нищего, халдея кабацкого, «шестерки»

голимой, рискнувшей, вместо того, чтобы утереть заслуженный плевок в рожу, бросить ему, нефтяному королю, наглый вызов. Притом этот урод ухитрился уцелеть, несмотря на объявленную на него с подачи Киржача охоту. А потом еще и отдать под суд одного из влиятельнейших на тот момент людей Северо-Запада России!!!

Однако позорным судом и отставкой неприятности для бывшего чиновника не закончились. После просмотра скандальной видеозаписи о нестандартных секс-развлечениях Киржача, сделанной хитрым Греком, взбешенная жена хлопнула дверью и уехала с детьми к теще в Гатчину. После чего, стерва, наняла свору адвокатов, и те легко и непринужденно отсудили у оплеванного желтой прессой Киржача трехэтажный коттедж на берегу Финского залива и половину всех официальных сбережений. А до кучи Ленка выбила исполнительный лист на алименты, по которому Виктор Анатольевич обязан был ежемесячно выплачивать ей на содержание девочек-близняшек две с половиной тысячи долларов.

Последней же каплей, вынудившей Киржача спешно покинуть не только Усть-Озернинск, но и северную столицу, были слова брата, лидера местных бандитов, тоже посмотревшего проклятую видеозапись: «Ну ты и урод, Пуля! С таким гнусным извращенцем мне впадлу не то что ручкаться, но даже дышать одним воздухом. Свалил бы ты из моего города куда подальше. Пока я добрый. Иначе... братва сексуально озабоченных не любит, ты в курсе, да?»

Намек был прозрачен, как стекло. В тот же вечер Киржач собрал в два чемодана самое необходимое, сел на джип «гелендеваген» и вместе с верным телохранителем по кличке Черт уехал в Москву, где, к счастью, у него имелась приличная квартира в центре. Но главное – в Москве у него были несколько верных, крепко стоящих на ногах корешей, которые не станут кривить рожу. У самих рыло в пуху, да еще похлеще. Напротив – с готовностью помогут всем, что в их силах. Самыми полезными для дела среди них могли оказаться член Совета Федерации Бугаев, аналитик, начальник кредитного отдела «Маэстро-банка» Зиновий Пургель и майор юстиции Шалгин, в данный момент не кто иной, как и.о. начальника скандально известного в криминальном мире России СИЗО 48/1 «Матросская тишина». При правильном подходе с их помощью можно стереть в порошок кого угодно, не то что голимого повара.

Грек!!! Все из-за тебя!!! Ну, готовься к отдаче, падла! Ты у меня кровавыми соплями умоешься!!!

Киржач стиснул кулаки. На проклятый шарик, пробежавший последний круг и приткнувшийся на поле зеро, он больше не смотрел. И не слышал фальшивых слов сочувствия, произнесенных наконец-то окончившим смену крупье. Виктор Анатольевич медленно поднялся, взял со стола пачку «Парламента», сунул вместе с бриллиантовой зажигалкой в карман пиджака и нетвердой походкой направился к выходу.

У ступеней «Трех карт» богатого клиента уже ждало халявное такси. Развалившийся за рулем тачки толстый водила с квадратной челюстью готов был бесплатно доставить проигравшегося в хлам дорогого гостя в любой адрес в пределах Кольцевой дороги.

– Осторожней, дарагой! Нэ сптэknись... Вах! Как сильно устал, да!.. – донеслось до Киржача. Пухлые пальцы с короткими черными волосками крепко ухватили его за локоть. – Кирасиво играл, молодэц! Настоящий мужчына!..

Сообразив, что конкретно предлагает ему этот лысый горный орел, Киржач надменно ухмыльнулся, выдернул руку, глядя прямо перед собой, демонстративно сплюнул на мраморные ступени казино и процедил:

- Пошел ты на х...й, кацо, со своей ржавой колымагой. Иди лучше баранов паси, - после чего нарочито медленно закурил, спустился со сверкающего неоновыми огнями крыльца и, сунув руки в карманы брюк, морской походкой направился вперед по переулку по направлению к Садовому кольцу.

В этот ранний субботний час Москва была почти пустынна. Машин на улицах мало, а прохожих - вообще единицы. До его квартиры - купленной еще в безмятежные докризисные времена роскошной четырехкомнатной «сталинки» на Каланчевке - можно вполне прогуляться и пешком. Особенно когда в голову вдруг с первым глотком свежего воздуха пришло долгожданное озарение. Из осколков пьяных мыслей сложился достойный план мести!..

Впрочем, если быть точным до конца, вариантов, как именно расквитаться с Греком, было полно. Только все они не годились. Первой мыслью Киржача было нанять киллера. Но это было бы слишком просто и быстро, а хотелось, чтобы этот урод Грек долго мучился. Расчет с обидчиком должен быть *максимально* жестоким. Чтобы Киржачу было о чем вспоминать оставшуюся жизнь! Задача далеко не простая. К тому же нужно повернуть все таким образом, чтобы на него не пали подозрения.

Для полного счастья нужна не примитивная ликвидация обидчика (пусть даже вместе с семьей - женой и новорожденным сыном), а тщательно подготовленная акция продолжительностью от нескольких месяцев до года. В результате жизнь Артема Грекова и его близких будет шаг за шагом превращена в кошмар, а сам баклан - растоптан в пыль, унижен и уничтожен. Он, Витек, лично приведет приговор в исполнение и завалит стоящего на коленях повара прямым выстрелом в лоб. Пулей со смещенным центром. Так, чтобы мозги разлетелись во все стороны. Короче, нужен суперспектакль. Плюс - несколько верных подельников. Про стоимость авантюры Киржач не думал. Ради достижения заветной цели бывший «нефтяник», у которого крыша ехала от ненависти и злости, был готов на любые жертвы. Даже если придется отдать последний бакс!..

И вот сегодня, хмурым и прохладным сентябрьским утром, после проведенной в лажовом грузинском казино бессонной ночи, после пачки выкуренных сигарет и литра кактусовой водки в голову Киржача наконец-то пришло решение. Крепкая многоходовка, после которой он сможет самолично казнить превращенного в кусок дерьма Грека, утереть пот со лба и честно признаться самому себе: «Я сделал это! Я поймел его!».

Первым и, пожалуй, самым сложным этапом акции было выманить клятого повара в Москву. Дальше - легче. Но как это сделать? Заставить Грека бросить все и приехать одному, без семьи? Над этим вопросом стоило помозговать отдельно...

Ноги сами принесли его к тяжелой лакированной двери подъезда. Пальцы привычно пробежали по консоли кодового замка. Киржач пешком поднялся на четвертый этаж, открыл ключом бронированную дверь квартиры и... замер.

Его чуткий к запахам нос сразу уловил витающий в воздухе прихожей аромат женских духов, а слух - приглушенные звуки и громкое сопение, доносящиеся из просторной гостиной с камином. Сально ухмыльнувшись и нисколько не таясь, Киржач прошел по длинному, освещенному настенными бра коридору, толкнул дверь и, привалившись плечом к косяку, стал наблюдать за тем, как его верный сторожевой пес по кличке Черт с грудным рыком сильными толчками на черном кожаном диване охаживает стройную, длинноволосую и совсем еще юную полногрудую блонди. Из одежды на аппетитно изогнувшейся в экстазе, сладко подмахивающей крутыми бедрами в такт резким фрикциям Черта молоденькой шкурке были только тоненькая золотая цепочка с крестиком и ярко-красные туфельки на высоких шпильках. Красотка

выгибала спинку, как кошка, запрокидывала голову, постанывая от кайфа. Одной рукой она опиралась о подлокотник, второй яростно мяла свою шикарную грудь. Киржач даже забеспокоился, не останутся ли у нее синяки. Черт трудился, как поршень, его твердый зад ритмично двигался между широко расставленными ногами блондинки.

Картинка была та еще. Киржач ослабил узел галстука, сглотнул подступивший к горлу ком, ощущая, как от этого зрелища, словно сошедшего с глянцевого картинка порножурнала «Кнайф», у него учащается сердцебиение и наступает эрекция. С трудом оторвавшись от созерцания сладкой парочки, которая стремительно неслась к экстазу, Киржач скользнул взглядом по огромной комнате. Одежда, снятая наспех, разбросана повсюду – на полу, на обоих креслах, даже с каминной полки лифчик свисает. Открытая лаковая дамская сумочка на подоконнике. На овальном стеклянном столике – почти пустая бутылка из-под молдавского шампанского-брюта, два бокала, крошки от шоколадной плитки на развернутой фольге, вазочка с персиками, медная пепельница в виде черепа, две открытые пачки – «Вог» и «Мальборо» – и две порванных упаковки от клубничных презервативов. Впрочем, тут же нашлась и третья, валяющаяся внизу, возле ножки стола. Уже от резинки с мятным вкусом.

Киржач ухмыльнулся: «Гурман-кудесник, бляха-муха. Только виагры не хватает, для полного натюрморта!»

Постоянной подружки у его верного телохранителя в Москве не было, да и быть не могло. Черт – он и есть Черт. Да и вряд ли за несколько часов с момента их последней встречи похожий на гориллу бывший морской спецназовец Вольдемар успел познакомиться среди ночи с приличной бесплатной давалкой и уговорить ее зайти к ним на квартиру «попить чайку с вафелькой». Значит, все-таки проститутка. Красивая, ухоженная, регулярно посещающая солярий, с дорогой силиконовой грудью и стильной одеждой, но – все равно шлюха. Такие далеко не в каждом ночном клубе пасутся, не та клиентура. Где же он ее все-таки снял, фаллос бродячий?

Занятые своим приятным во всех отношениях делом и не заметившие возвращения Киржача любовники тем временем благополучно поохали, почти одновременно испустили протяжный возглас и, еще пару раз дрыгнувшись навстречу друг другу, застыли в сладком изнеможении.

– Вольдемар, вы просто половой агрессор! – дрожащим от наслаждения, на удивление хрипловатым и потому на редкость сексуальным голосом сказала блондинка, обессиленно уткнувшись влажным лбом в кожаную спинку дивана. – Я уже забыла, когда меня в последний раз так качественно драли. От моего папика с его заскорузлой мухоморной висячкой разве нормального секса дождешься? Все языком да пальцем норовит, разве это удовольствие?!.. Ну, замучил ты меня! Аж в глазах круги. Маньяк вы, Вольдемар!

– Я, Мариночка, самый обыкновенный порнокиллер, – с довольной ухмылкой непревзойденного самца осклабился Черт. – А ты – моя новая жертва. Сейчас убивать начну. Не веришь?! А зря!..

Киржач снова хмыкнул. Оказывается, не блядь. Тем более интересно, откуда он ее приволок. Вслух же Виктор Анатольевич сказал тихо, не в силах отвести глаз от сверкающей капельками пота, влажной аппетитной фигурки:

– Я не очень помешал?

– А, вот и отец родной вернулся, – нисколько не смутившись, телохранитель отстранился от девицы и сел на диван. Легонько шлепнул биксу по округлой заднице, прежде чем та успела сменить позу. – Давно пришел, босс? А мы с Мариночкой здесь плюшками балуемся.

- Уже успел оценить. Красиво это у вас получается. Как в кино. Профессию сменить не думал?

- Ой, как стыдно! - ойкнула, смущенно улыбнувшись, блондинка, по всему видно, не слишком шокированная присутствием постороннего во время полового акта. Правда, огляделась, чем бы прикрыть наготу, и, не найдя поблизости ничего подходящего, попыталась заслонить маленькими ладошками свои впечатляющие формы. Вышло, прямо скажем, не очень. Все равно как закрыть член негра-баскетболиста березовым листиком. - Вы, наверное, тот самый великий и ужасный нефтяной магнат, о котором Вольдемар рассказывал?! Его босс?

- Виктор Анатольевич, - представился Киржач. Посмотрел на бодигарда, вопросительно приподнял брови: - Ну и где ты ее снял среди ночи?

- Ты не поверишь, папа, - прямо на улице, в двух шагах от подъезда. Наивное дитя стояло на тротуаре и ловило мотор. А я за сигаретами и пивом к ночному ларьку вышел...

- Ну да, а тут эти двое зверей обкуренных на своем «мерсе» тормозят! - перебила Черта девица и выпучила круглые глупые глаза, видимо, пытаясь таким образом показать, как ей было страшно. - Остановились, вышли и, ни слова не говоря, начали в машину тащить! Я так испугалась!!!

- Ага, кажется, врубаюсь, - кивнул Виктор Анатольевич. - И тут, словно по взмаху волшебной палочки, появился принц на белом коне. Надо же, как романтично. Они хоть живые? - полюбопытствовал Киржач, хорошо зная бойцовские возможности своего телохранителя.

- А хрен их знает, - отмахнулся Вольдемар и почесал лохматую грудь. - Я по разу всего и ударил. Цыгане, тем более из наркош, - они племя живучее. Как сорняки. Прикол не в этом, Андреич! - встрепенулся бывший капитан «морских дьяволов» Северного флота. - Знаешь, кто ее муж? Я как узнал - просто в осадок выпал! Угадай с трех раз!!!

- Ельцберг, Борис Похмельч, - лениво дернул уголком рта Киржач. - Или друг семьи Березовский.

- Почти, - кивнул Вольдемар. - Аскольд Глебыч Стрелковский.

- Кто это? - скривился Киржач.

- Ну ты даешь, папа!!! - изумился телохранитель. - Да этого старого мухомора знает весь профессиональный спорт! Стрелковский - это акула. Продюсер, менеджер, мультимиллионер. Сфера его интересов - кикбоксинг, женский кэтч, бои без правил. Он - самый известный в Москве спец в этой области! Стрелковский первым начал устраивать гладиаторские бои с тотализатором. Сейчас он наших бойцов на Запад пачками засылает, нехило на этом имея. Я уж не говорю о крупных соревнованиях в самой России и мордобое в дорогих клубах, где голые соски гасят друг дружку на залитом грязью или маслом ринге. Насколько я в курсе, нет ни одного более-менее серьезного бойцовского турнира, к которому Маринкин муж не приложил бы руку и с которого не поимел свою долю... Верно, солнышко?!

- Абсолютно, - подтвердила блондинка. - Он у меня такой!

- Интересно, - тихо, почти шепотом пробормотал Киржач и с явным интересом, но уже не плотским, взглянул на успешную прикрыться пледом девку. На вид этой отвязной девочке было не больше шестнадцати. А если верить словам бодигарда и фразе, случайно оброненной самой Мариночкой сразу после секса, то продюсер гладиаторских боев с редким именем Аскольд вполне годился ей не то что в престарелые отцы, а вообще в дедушки.

- Как же такой известный и богатый человек позволяет своей молодой и красивой жене шляться одной по Москве, да еще ночью? - соорудив на лице подобие безмятежной улыбки, почти дружески спросил Виктор Анатольевич. - Я бы на его месте глаз с тебя не спускал.
- Котик мой сивойцый так и делает. Только и я не кукла и не диванная собачка. Задолбал он уже меня своей опекой, сил нет!!! - отмахнулась светловолосая бестия и сложила губки бантиком. - Без «хвоста» даже по охраняемому поселку погулять нельзя!!! А мне всего восемнадцать! Мне, между прочим, кроме денег, тряпок, драгоценностей, виллы на Ново-Рижском шоссе и бунгало на Тенерифе хочется еще и с подружками школьными встретиться, и по городу одной, без охраны погулять, и... - Марина мягко, как кошка, погладила волосатый торс Черта и прижалась к его колючей щеке. - ...И любовника нормального, как ваш Вольдемарчик! Хотя бы раз в неделю.
- Неужели с твоей мордашкой так трудно завести любовника? - пожал плечами Киржач, наконец-то отделился от дверного косяка, сел в кресло и закурил сигарету. - Вокруг молоденьких... да и не очень, симпатичных дамочек всегда вьется целый взвод потенциальных... э-э... как бы это помягче сказать? Ну, в общем, ты меня понимаешь.
- Только не вокруг меня, - печально вздохнула блондинка. - На публичных мероприятиях мы всегда бываем вместе с Аскольдом. Если же муж узнает, что кто-то из наших пытается ко мне шары подкатить, такой человек долго не проживет. Стрелковский - просто Отелло. Ревнивец ужасный!
- Тогда я вообще не понимаю, как ты очутилась одна в самом центре Москвы в... во сколько ты вышел за сигаретами?
- В начале второго, - сообщил Черт, разливая по бокалам остатки шампанского.
- А-а, все просто на самом деле, - вздохнула Марина. - Мой мухомор сейчас в Штатах. У него переговоры в Лас-Вегасе насчет боев. А охранника, который за мной приглядывает, я обманула! - весело сказала девица и довольно цокнула язычком. - Сказала, что хочу съездить к маме в Серпухов. Он дал мне тачку и водилу. Тот довез меня до дома - мы в частном секторе живем - и спрашивает, сколько я здесь пробуду? Я сказала, что до завтра, до обеда. Тогда этот кретин уточнил, во сколько точно меня забрать, и укатил домой, спать! А я чмокнула маман, вызвала такси и поехала к Гальке. Она здесь, рядом с вами живет. Потом мы поругались из-за... в общем, это неважно, я послала ее к лешему и пошла ловить такси. Дальше вы знаете. Честное слово, никогда бы не подумала, что могу так запросто, через час после знакомства, переспать со случайно встреченным на улице мужиком!!!
- Во-первых, золотце, далеко не случайно. Если бы я не проходил мимо, ты бы сейчас... - начал набивать себе цену бодигард.
- Давай не будем про это, Вольдемар! Пожалуйста! Я так испугалась!
- Давай, - согласился Черт, протягивая девчонке шампанское. - И все же... я думаю, это - судьба. Мы должны были встретиться, и мы встретились.
- Очень даже возможно, - тихо пробормотал Киржач, неторопливо затягиваясь сигаретой, и задумчиво нахмурил лоб. В холодных глазах Виктора Анатольевича зажглись странные огоньки.
- Да-а?! Так женись, милый! - Марина сжала пальцы и ударила в стальной пресс телохранителя маленьким слабым кулачком. - Я тебе мальчика рожу! Даже двух!

- Боюсь, Андреич не отпустит, - фальшиво усмехнулся Вольдемар, глядя платиновые волосы мадам Стрелковской. - Какой из меня, семейного, телохранитель? Смех один. Да и благодетель твой вряд ли согласится.

- У меня есть предложение интересней, - неожиданно бодрым голосом сказал, хитро улыбаясь, Виктор Анатольевич. - А не выпить ли нам еще бутылочку шампанского?! На троих. За знакомство.

- С удовольствием! Ур-ра! - захлопала в ладоши укутанная в плед супруга гладиаторского продюсера. - А можно мне еще одну шоколадку с миндалем?! И чашку кофе, со сливками!

- Конечно, можно. Я, с вашего позволения, на минуту отлучусь в кабинет, сменю рубашку, - Киржач затушил в пепельнице окурки и поднялся с кресла. - Вы, Мариночка, почувствуйте себя как дома, не стесняйтесь. Можете пока принять душ и одеться, а наш герой-любовник, грозный совратитель чужих жен, тем временем сбегает в магазин и купит все, что положено, для культурной дружеской пьянки.

- Принимается!!! Требую продолжения банкета!!! Мальчики, вы - прелесть!!!

- Вот и отлично, - бывший нефтяной воротила достал бумажник, извлек несколько купюр и бросил деньги на столик. Ободряюще подмигнул телохранителю. - Не волнуйся, Казанова, во время твоего короткого отсутствия честь дамы будет под моей надежной охраной. Иди спокойно, дорогой товарищ. Да, до кучи захвати минералки «перье» и упаковку пива. Какой сорт я предпочитаю - знаешь.

- А мне - баночку джина с тоником! - вставила гостья.

Черт кивнул, чмокнул в припухшие губы захмелевшую от крепкого молдавского пойла юную блондинку, шумно выдохнул, поднялся с дивана и под веселым взглядом хихикающей нимфетки Марины принялся собирать шмотки, разбросанные ими в приступе страсти...

Киржач тем временем скрылся в своем кабинете. Подошел к высокому окну, поднял вверх жалюзи, сложил руки за спиной и, подставив лицо потоку свежего утреннего воздуха, пару минут молча смотрел на уставленный дорогими иномарками столичный переулочек. А потом беззвучно захохотал, сотрясаясь всем телом.

Прибандиченный чиновник понял, что в лице этой смазливой глупой куклы, случайно севшей на внушительную шишку его телохранителя, капризная фортуна дает ему возможность подготовить для бывшего самбиста еще одно жестокое испытание, из которого он выйдет морально раздавленным и физически покалеченным.

Киржач на секунду представил себе покрытое коркой запекшейся крови, словно пропущенное через камнедробилку, лицо Грека, разделанного под бифштекс в неравном поединке без правил, и на душе у Виктора Анатольевича стало тепло и уютно.

Скоро, очень скоро запущенная им дьявольская рулетка завертится! Как же нестерпимо долго он ждал этого дня!

Глава вторая

Реквием по генералу

Артем медленно открыл глаза и взглянул на сладко сопящую рядом Анюту. Стараясь не

разбудить девушку, погладил ее по щеке и улыбнулся. Вот оно, настоящее счастье. Уже год они живут вместе. У них есть сын Павлик. А завтра они наконец сделают то, о чем мама прожужжала Артему все уши, – обвенчаются. Раньше все некогда было. Сначала трудная беременность Ани, потом забота о малыше, который родился слабеньким и капризным.

Снова прикрыв глаза, Артем медленно, с чувством, потянулся. Наощупь сунул ноги в тапочки и прошлепал в ванную. Вернувшись в спальню, склонился над раскрывшейся до пояса, соблазнительной Анютой и с удовольствием вдохнул пьянящий запах ее волос и поцеловал гладкую и горячую, сияющую почти детским румянцем щеку. Но едва Артем коснулся щеки губами, как девушка мгновенно перевернулась на спину, с коротким смешком крепко обвила руками его шею и притянула к себе. Они слились в поцелуе.

Артем почувствовал, как его охватывает острое желание, и потянулся рукой к Анютиной груди, прикрытой ночнушкой, накрыл, сжал посильнее. Анюта сладострастно застонала, выгнулась и рванула застежку ночной рубашки. Пуговицы посыпались во все стороны.

- И зачем ты их все время надеваешь – пробормотал Артем, покусывая ее нежное ушко. Потом спустился к тонкой шейке, покрывая ее поцелуями, к груди. Анюта вскрикнула, когда он сжал зубами напрягшийся розовый сосок.

- Еще, да-а! А-ах! – выдохнула она. Вцепившись Артему в волосы, она потянула его ладонь себе на живот, потом ниже, еще ниже... Между ног у нее был потоп, обдавший жаром и влагой пальцы Артема, погружавшиеся все глубже.

- Целуй, – простонала она. – И ласкай... понежнее... там... – и задергалась в такт движениям Артема, исступленно теребившего ее покрытые нежным пушком половые губки и клитор. Анюта вскрикнула, потом еще и еще. Артем попытался заглушить ее крики губами, чтобы она не разбудила ребенка. Вскоре Анюта выгнулась дугой, затрепыхалась, чуть не сбросив возбужденного до предела Артема с кровати, и бурно кончила. – А-ах! Артем, я так тебя люблю... – прошептала она, переворачиваясь и взгромождаясь на Артема. – Сейчас я...

С этими словами она прижалась губами к груди Артема, провела влажную дорожку язычком по мускулистому животу и ниже, скользя рукой к его буквально дымящемуся члену. Когда она жадно охватила его губами, Артем охнул. Не выдержав, он притянул ее к себе и усадил сверху. Анюта застонала, почувствовав, как его член входит в нее. И, окончательно потеряв контроль, начала издавать такие охи-вздохи, что и в порнофильме не часто услышишь.

Артем трудился изо всех сил, Анюта, опять вспомнив про спящего ребенка, вцепилась зубами в плечо любимого. Кончив второй раз, она прокусила плечо Артема до крови. Еще раз они кончили вместе. И тут, находясь в сладкой истоме, они услышали, что их сын таки проснулся и требует внимания. Артем с трудом встал и пошел к Павлику.

* * *

Когда-то давно, еще во время учебы в Физкультурном институте, Артем прочитал в журнале «Здоровье» любопытную статью. В ней говорилось о странном свойстве, которое проявляется у молодых мам в первые, самые трудные месяцы после рождения ребенка. Уставшая за день, мгновенно уснувшая после последнего кормления малыша женщина может не проснуться даже от сильного постороннего шума, вроде раската грома, но способна мгновенно очнуться при малейшем шорохе, гуканье, а тем более – самых первых нотках плача своего ребенка. Если разобраться, в этом не было ничего особенного, ведь каждый врач-терапевт подтвердит существование эмоциональной связи между мамой и младенцем, но коротенькая статья

почему-то прочно врезалась в память Артема. Долгие годы она «дремала» где-то в глубинах сознания и впервые напомнила о себе только после рождения Павлика...

Роды оказались для Анюты сложными. Карапуз никак не хотел покидать уютный мамин животик. Да и по-мальчишечьи узкие бедра худенькой высокой Ани отнюдь не способствовали его быстрому появлению на свет. После безуспешных попыток врачей помочь молодой мамочке родить самостоятельно пришлось делать кесарево сечение. К тому времени схватки полностью прекратились... Как тремя днями позже узнали родители – Павлик родился весь синий, неподвижный, без признаков дыхания. Слава богу, не на шутку испугавшимся за свою шкуру и карьеру эскулапам очень быстро удалось откачать мальчика. После чего малыша с воткнутой в крохотную ручонку иглой поместили в отделение реанимации, под стеклянный колпак...

Обошлось, к счастью. Запас жизненных сил у возвращенного буквально с того света Павлика оказался очень большим. Уже к вечеру он оклемался настолько, что заступивший на дежурство пожилой врач, немало повидавший на своем веку, был поражен. После тщательного осмотра он разрешил перевести малыша из реанимации в отдельную «коммерческую» палату к Анюте, которая не находила себе места от тревоги.

В течение ближайшей недели Артем фактически жил в роддоме, с раннего утра и до позднего вечера находясь рядом с женой и сыном, который переставал плакать только во время сна. Сказывались тяжелые роды, отчасти вызванные крупными размерами малыша, и вызванное ими удушье. Впрочем, бездействие лепил-коновалов, тянувших до последнего, тоже сделало свое темное дело. Кошмар кровавой схватки с Киржачом и его бандой, который Анюта пережила в начале беременности, не прошел бесследно и для нее самой, и для мальчика. Врач, внимательно изучивший медицинскую карточку Анюты, настоятельно советовал измученным родителям набраться терпения и приготовиться к тому, что воспитание сына будет непростым. Как и многие рожденные «задохликами» дети, он наверняка первые несколько лет будет очень эмоциональным и капризным, а поэтому невероятно трудным ребенком. Покой, железное терпение и тактичность – это должно быть девизом его родителей.

Анюта и особенно Артем, чувствуя вину перед женой и сыном, были готовы сделать все возможное для того, чтобы мальчик вырос не только здоровым, но и психически уравновешенным человеком. Благо материальная база уже имелась.

Разыграв, как по нотам, спектакль с дачей взятки и последующим «арестом» нечистого на руку мэрского чиновника, Артем на долях с Максом Лакиным буквально за гроши приобрели забегаловку на центральной улице Ломоносова. За какой-то месяц рюмочная превратилась в уютное и очень популярное у жителей городка бистро «Готланд», где можно было вкусно и относительно недорого перекусить, посидеть с друзьями вечерком за кружечкой разливного пива, смотря на огромном телеэкране футбол-хоккей и не волнуясь, что внезапно вломится компания обдолбанных отморозков и все испортит. А договорившись заранее с администрацией, – справить семейное или прочее торжество. В общем, бизнес Артема раскрутился на удивление быстро и начал давать компаньонам весьма приличные деньги. Грек занимался текучкой, а Макс Лакин взял на себя функции обеспечения безопасности, жестко оттеснив бандитские «крыши», регулярно пытавшиеся завладеть заведением.

После всего пережитого семьей Грековых кошмара Артем и Анюта решили взять к себе маму Артема, похоронившую мужа и дочь. Они продали коллеге Лакина, уходящему на пенсию, квартиру, доставшуюся Анюте от родителей, уехавших за бугор. А на месте сожженного дома в Ломоносове построили двухэтажный коттедж с баней и гаражом. Деньги, полученные от Актера в качестве откупных за гнилую шкуру его сына-бандита, пришлось как нельзя кстати.

Мести братков Артем не боялся. Знал: смена власти в группировке «карельцев» от Мастера к Лимону не удалась. В результате кровавой мясорубки на вилле авторитета оба были убиты. Лысый толстяк Лимон, который не участвовал в разборке, исчез с концами, видимо, сначала отлежавшись в безопасном месте, а затем драпанув с папиными деньгами куда подальше. Лидерство в группировке перешло к некоему Боре Стампу. Насчет него Лакин заметил, снисходительно ухмыляясь:

- Этому Гоблину до покойника Мастера - как до луны пешком. Не того веса бык. Рожей и рогами вышел, а вот с мозгами напряг. И у нас в конторе, и в РУБОПе на Стампа столько нарыто, что будет ходить по струнке, тише воды, ниже травы. А не захочет - в два счета выпишем бесплатную путевку в санаторий. И вообще - сдастся мне, что долго он в роли авторитета не задержится. Сожрут свои же. Слабо ему власть удержать.

Что касается подонка Киржача, счастливо избежавшего зоны, то, по сведениям Макса, столичные покровители объявили слишком забуревшего местного ставленника «вне закона и понятий», круто опустили на лавы и предложили убираться куда подальше. Извращенец в темпе тарантеллы расплевался с супругой, собрал манатки, сел в джип и укатил в неизвестном направлении. Так что ждать проблем с этой стороны, видимо, не стоит.

...А насчет прочитанной когда то в журнале «Здоровье» статьи, про которую Артем неожиданно вспомнил в первую же ночь после выхода жены из роддома, вышло очень любопытно! Описанная профессором медицины чуткость невероятным образом миновала Анюту, но столь же странным образом досталась молодому отцу. Именно Артем первым продирает глаза всякий раз, как только Павлик кряхтел, шевелился в своей кровати или начинал плакать. Продрав глаза, перенявший материнский инстинкт отец семейства первым делом бросал взгляд на мирно спящую Анюту, после чего вставал и в зависимости от нужды переодевал Павлика или кормил его, ненасытного проглоты, из соски сцеженным заранее материнским молоком. Затем, кляня носом от недосыпания, долго укачивал на руках, осторожно опускал назад в кровать, падал без сил рядом с женой и отключался. Нередко - для того, чтобы через каких-нибудь полчаса-час снова, едва не подпрыгнув от произведенных спящим сыном шебуршений, продрав глаза, встать и на автопилоте проследовать к источнику звука с целью выяснения причин аврала.

Удивительно, но и без того устающему на работе в бистро Артему и в голову не приходило, проснувшись среди ночи, просто растолкать сладко сопящую рядом Анюту, перепоручив ей заботу о сыне. А потом накрыть голову подушкой и снова провалиться в сон. Первый раз это случилось лишь после того, как, сменив описанный памперс и укачав сына, Артем присел на секундочку и - уснул сидя в кресле, едва не выронив Павлика из ослабевших рук. В последний момент, правда, очнулся и сумел поймать скатившегося на колени ребенка. Но от этого проснулся не только мальчик, но и разбуженная криком Аня. Оценив все глубину момента, молодая мама поспешно отбросила одеяло, встала, нежно взяла из рук бледного, как мел, мужа елозящего и орущего карапуза, нежно чмокнула Артема в колючую щеку, потерлась носом о кончик его носа и сказала:

- Так больше нельзя, милый. Тебе нужно нормально отдыхать. - И добавила с улыбкой: - Не волнуйся, Грек, я справлюсь не хуже. Хотя... Что бы я без тебя делала, а? Горе ты мое луковое. Ложись давай, нянь усатый...

Упоминание про усы было не случайным. К тому времени Артем действительно впервые в жизни отпустил растительность над верхней губой, отчего, по словам Макса, стал очень смахивать то ли на патриарха отечественного боевого карате Тадеуша Касьянова, то ли на безумно популярного в семидесятые годы американского актера-супермена Чарльза Бронсона.

(Если верить Марине Влади – кумира ее мужа и тогдашней советской «звезды» Владимира Высоцкого.) Только значительно моложе, шире в плечах и выше обоих «оригиналов» ростом. Столь лестное сравнение Греку заметно льстило.

Одним словом, жизнь маленькой семьи, пережившей за последние несколько месяцев и горе невосполнимых потерь, и радость появления на свет новой жизни, постепенно наладилась и потекла своим чередом. Артем работал директором бистро, зарабатывая неплохие деньги, а Анюта занималась сыном. Мама же Артема, Лидия Матвеевна, так до конца и не оправилась после трагической гибели мужа и дочери. Она помогала невестке редко, целиком ушла в религию и проводила большую часть времени в питерской церкви Святой Троицы. Когда же Лидия Матвеевна оставалась наедине с сыном, она всякий раз заводила разговор о венчании, которое занятый бизнесом Артем называл «просто лишней формальностью». Живут ведь люди и без штампа в паспорте, и без поповских маятниковых манипуляций с кадилом...

Но, как говорят в народе, сколько веревочке ни виться – конец неизбежен. О своем долгожданном решении оформить союз Анюта и Артем объявили в конце лета, ровно через полгода после рождения Павлика. Лидия Матвеевна заметно оживилась, с ходу возобновив старую песню насчет полной бесполезности перед Богом мирского загса, обязательного первоочередного венчания молодоженов в ставшем ей вторым домом храме Святой Троицы и крещения внука...

А потом было солнечное раннее утро дня накануне венчания и тревожный звонок в дверь.

Продрав глаза, Артем первым делом взглянул на мирно посапывающего в кровати сына, нащупал лежащий на полочке пульт дистанционного управления телевизором и вывел на экран изображение, круглосуточно передаваемое вмонтированным возле ворот видеоглазком. Снаружи ждала хмурая незнакомая женщина лет пятидесяти, с висящей на плече объемной сумкой, какими обычно пользуются почтальоны. В груди Артема появился неприятный холодок. В памяти были еще слишком свежи воспоминания о визите в квартиру Анюты посланного начальником охраны Киржача лже-почтальона из ГРУ и о том кошмаре, что произошел потом.

Накинув халат, Артем вышел из спальни, быстро спустился на первый этаж коттеджа и нажал кнопку домофона:

- Слушаю вас.
- Лидия Матвеевна Грекова здесь живет? – послышался ровный голос почтальона.
- Да. Позвать?
- Ей телеграмма. Срочная. Из Москвы. Примите, пожалуйста.
- Хорошо, я сейчас выйду, – нахмурившись от нехорошего предчувствия, Артем отключил домофон, и, как был, прямо в халате, вышел из коттеджа в двор. По аккуратно выложенной тротуарной плиткой дорожке он пересек уютную ухоженную территорию, щелкнул замком в наружной металлической двери и молча взглянул на стоящую по ту сторону кирпичного забора почтальоншу, пытаясь прочитать на ее брылястом лице некую подсказку о содержании телеграммы. То, что он увидел в ее глазах, заставило сердце Артема забиться быстрее.
- Где расписаться? – стараясь, чтобы голос звучал ровно, спросил Артем у почтальонши.
- Простите, а вы кем ей приходитеесь? – протягивая сложенный лист плотной бумаги, на всякий

случай уточнила женщина.

- Я ее сын. Вам документ принести?

- Не стоит. Вот здесь распишитесь, пожалуйста. Ага...

Артем, не глядя, чиркнул в нужном месте тетради похожую на иероглиф закорючку.

Торопливо убрав тетрадь в наплечную сумку, женщина развернулась к нему спиной и быстро направилась прочь от ворот, по пустынной в этот час улице частного сектора. Заперев дверь, Артем нашарил в кармане халата сигареты с зажигалкой, оттягивая время, медленно закурил, не выпуская из рук сложенный вчетверо лист, сделал две глубокие затяжки и только затем развернул телеграмму:

«Двадцать четвертого семь утра инфаркта умер папа. Похороны послезавтра. Ждем.

Ивановы».

Дядя Егор. Герой Советского Союза, кавалер двух орденов «Красная звезда», живущий... живший в столице России генерал-лейтенант ВДВ в отставке Георгий Матвеевич Барсуков. Мамин родной брат.

Несколько раз прочитав текст, Артем медленно опустил руку с телеграммой и, услышав звук тихо открывшейся двери, обернулся.

В дверном проеме стояла мама в легком домашнем платье, с накинутым на плечи оренбургским платком.

- Что случилось, сынок? - прошептала дрожащими губами Лидия Матвеевна и судорожно схватилась рукой за дверной косяк.

- Ты только не волнуйся, хорошо, мам? Ладно? - с трудом подбирая нужные слова сказал Артем.

- Говори. Что... там?

- Это от Светы с Олегом. Дядя Егор. Он умер. Вчера вечером. Инфаркт, - тихо озвучил печальную весть Артем. - Похороны послезавтра. Я сейчас закажу тебе билет на вечерний самолет в Москву.

- Дай мне... ее... сюда. - бледная Лидия Матвеевна, готовая вот-вот заплакать, протянула к телеграмме дрожащую руку, сделала нетвердый шаг на крыльцо и неловко покачнулась. Артем крепко обнял уткнувшуюся лицом ему в грудь и зашедшуюся в громких рыданиях маму. Бережно глядя вздрагивающую всем телом пожилую женщину по седым волосам, Артем чуть слышно шептал ей на ухо что-то успокаивающее.

Минуты через три Лидия Матвеевна сумела взять себя в руки. Она отстранилась, кое-как утерла лицо ладонями, молча взглянув на сына и одними глазами попросила дать ей телеграмму, а, получив злополучную бумажку, стиснула ее в кулачке и, не обронив больше ни слова, медленно ушла к себе, в расположенную на первом этаже дома комнату, где закрылась на защелку.

Артем проводил маму повлажневшим взглядом, выбросил сигарету и вернулся в спальню.

Павлик по-прежнему спал, во сне сбросив с себя одеяло и развернувшись в кровати на сто восемьдесят градусов. Аня стояла возле окна и обернулась, едва Артем переступил порог комнаты. В ее глазах были тревога и молчаливый вопрос. Артем подошел, заключил жену в объятия и глухо произнес:

- Дядя Егор-генерал умер. Сегодня маме нужно ехать в Москву.

- Какой ужас, - сильнее прижавшись к Артему, печально прошептала Аня. - Может... нам отложить венчание? Лидия Матвеевна так хотела быть завтра вместе с нами и Павликом в церкви!

- Мы так и сделаем, - качнул подбородком Артем. - Я предупрежу всех. Не волнуйся. Дней сорок придется подождать.

- Ничего, как-нибудь, - вздохнула Аня. - Лучше скажи, как там мама?

- Держится вроде. Они с дядей Егором были очень близки. Единственные из семьи, кто в войну выжил. Всех остальных братьев, трое их было, накрыло бомбой, когда их из Питера в детском поезде в эвакуацию везли... Тяжело ей, понятное дело. Любая смерть приходит неожиданно. Но на самом деле все давно к этому шло. Последние года три дядя Егор сильно болел, дома почти не был, все больше по госпиталям да санаториям Министерства обороны. Удивительно еще, что так долго протянул. У него после Анголы и Вьетнама ранений - как блох на барбоске... было. Героический был генерал, таких еще поискать надо.

- А с кем твой дядя жил?

- Формально - с дочкой и зятем. Это они телеграмму прислали. Но они оба в офисе «Газпрома» в Берлине работают, так что в Москве от силы три месяца в году бывают. Детей нет пока. Ты извини, я пойду. - Артем мягко отстранился. - Надо еще билет на самолет заказать, предупредить всех, что венчание переносится. Да и в бистро хоть одним глазом заглянуть, проинструктировать насчет сегодняшнего банкета. До вечера дел хватит.

- Да, да. Конечно, милый...

Перед отъездом в аэропорт «Пулково» Лидия Матвеевна позвонила на квартиру брата и предупредила племянницу, что вылетает рейсом в девятнадцать сорок пять. Муж Светы, по ее же словам, без пяти минут член совета директоров концерна, Олег Абрамович Иванов пообещал непременно встретиться. В ходе разговора выяснилось, что у московских родственников, связь с которыми поддерживалась от силы раз в год, в нужный момент не оказалось под рукой записанного «где-то в бумагах дяди Гриши» номера телефона Лидии Матвеевны - только случайно обнаруженный на старом, еще советских времен, письме к брату обратный адрес. Именно поэтому известие о смерти генерала Барсукова пришло в Ломоносов с некоторым опозданием и телеграммой.

Одетая в траур, молчаливая и непрерывно вытирающая платком глаза Лидия Матвеевна и не догадывалась, что их домашний телефон уже давно и плотно стоит на прослушке у частного охранного агентства «Элидиум-секьюрети», костяк которого составляют бывшие бойцы усть-озернинского ЧОП «КСК». И что своим звонком в Москву она не только дала долгожданный карт-бланш известному ей отморожку, уже отчаявшемуся найти подходящий способ выманить Артема в столицу для свершения кровавой расправы, но и подарила сыну и всей его семье единственный шанс на спасение. Еще неделя - и окончательно потерявший терпение Киржач «заказал» бы ликвидацию Грека, его жены и малыша известному в узких кругах столичного криминального мира профессиональному киллеру по кличке Йорк. Предварительные

переговоры с наемным убийцей прошли в пригороде Москвы, Люберцах, всего лишь сутки назад.

Три человеческие жизни – Артема, Анюты и шестимесячного Павлика – не имеющий никаких «профессиональных» табу убийца оценил в двадцать пять тысяч долларов.

Однако фортуна распорядилась иначе. С этой минуты коварный план Киржача получил все шансы раскрутиться в ближайшие дни. А ни о чем не подозревавшему Греку и бывшему нефтяному воротиле, живущему лишь мыслями о жестокой мести, представился шанс снова сойтись в неравной схватке не на жизнь, а на смерть. Теперь – в каменных джунглях столичного мегаполиса.

Глава третья

Здравствуйте, я ваша крыша

Следующий день для взвинченного, заснувшего лишь под утро Артема выдался более чем хлопотным. Придя в бистро, он узнал, что незадолго до его появления здесь побывали трое стриженных хамоватых амбалов с тупыми протокольными рожами и плечами размером с косую сажень. Сделав заказ, состоящий из самых дорогих деликатесов и разливного пива, визитеры не спеша сожрали и выпили его с видом хозяев положения, а вместо оплаты криво ухмыльнулись и попросили девочек позвать «на конкретный базар» хозяина заведения.

Когда же из подсобки вышел заместитель Артема менеджер Никита Туманов, один из орангутанов ткнул ему в грудь толстым указательным пальцем и спросил, кому сей чудный уголок культурного общепита платит свою ежемесячную дань. Вместо конкретного ответа Никита, как и было обговорено заранее для таких ситуаций, сказал что не в курсе. Непосредственно дела с «крышей» ведет шеф, которого сейчас, к сожалению, на месте нет. Но если господам рэкетирам угодно, то пообщаться напрямую с «крышей» можно по сотовому телефону, номер которого будет им немедленно предоставлен.

Получив вожделенную визитку, братки достали мобильник, соединились с абонентом и с ходу «забили стрелку» прямо здесь, в бистро, через два часа. После чего удалились, предупредив Никиту, что будут точно в указанное время, к которому он, чмо ходячее, терпило бессловесное, лабух пархатый и т. д. и т. п. должен приготовить их «приморской» группировке первый профсоюзный взнос в размере тысячи баксов. В противном случае бистро, его хозяина и лично Никиту ждут страшные морально-материально-физические катаклизмы. На прощание вышеназванные личности недвусмысленно продемонстрировали ему из-за отворота пиджака пистолет-пулемет «узи». После чего сели в припаркованный на тротуаре напротив входа джип «ниссан-патфайндер» и отбыли в направлении Ижоры. Номер тачки Никита записал.

Успокоив менеджера, Артем уединился в своем крохотном кабинетике в подсобке бистро и оттуда связался с капитаном Лакиным.

– Как тебе такое хамство? – поведав компаньону детали седьмого со дня открытия бистро бандитского наезда, спросил Грек.

– Полный беспредел, – ухмыльнулся Макс. – Впервые слышу о «приморской» братве. В Питере такой команды нет и никогда не было. Залетные отморозки, нахрапом берут. Да еще волюну, козлы неумные, сразу светят. Номер зарегистрированной в нашем регионе тачки я, конечно, пробью, только это уже не важно. Стрелка забита.

– Значит, действуем по старой схеме? – уточнил Артем, уже успевший стать свидетелем

нескольких разборок, учиненных спецназом ФСБ из-за его скромного бизнеса.

- По ней, родимой, - подтвердил капитан. - Баксы меченые, которые я тебе в прошлый раз оставил, надеюсь, не про...бал?

- Обижаешь, старик! В сейфе они, в целости-сохранности. Ровно две тонны.

- Тогда так, - принялся инструктировать Лакин. - Мы прибудем за полчаса до стрелки. Сядем в зале. Остальные останутся на улице. Как только наши герои пожалуют, пусть твой Туманов примет их, предложит подождать. Минут через пятнадцать-двадцать терпение у них лопнет. Тогда пусть делает рожу кирпичом и максаёт обозначенную штуку баксов. Дальше - как обычно...

- Понял тебя, старик.

- Тады жди гостей, - закончил Макс и повесил трубку.

Однако на сей раз легкого захвата бандюков не получилось и ситуация развивалась совсем не так, как предполагал капитан с Литейного.

Подготовка к быстрой и эффектной операции «по обламыванию бычьих рогов» шла как обычно. Незадолго до назначенного отморозками времени в бистро вошли две пары ничем не приметных, одетых в дешевые шмотки мужичков, сели в разных уголках заполненного примерно наполовину зала и заказали по кружке пива со сметками. Вскоре пожаловали и старые знакомые, числом трое. Джипа видно не было, видимо бандиты оставили его где-то рядом. Один скуластый гоблин на всякий случай встал у входа в «Готланд» снаружи, двое других, не останавливаясь, вразвалочку проследовали прямо к барной стойке.

- Ну, где ваша долбаная «крыша»? - осклабился самый старший и устрашающий из братков - огромный, бритый, с выпирающим раздвоенным подбородком, орлиным носом и тяжелыми надбровными дугами. Оглянувшись, гангстер внимательно обвел бистро глубоко посаженными поросычьими глазками. Не найдя среди посетителей хоть кого-нибудь, отвечающего его представлениям о конкурентах, снова вперил свой гипнотический взгляд в стоящего за стойкой рядом с красивой грудастой девушкой менеджера Туманова.

- Я не в курсе, господа, это вы о встрече договаривались, - сдержанно-деловито сказал Никита. - Может, пока вам что-нибудь принести?! За счет заведения.

Братки молча переглянулись. Ушастый подельник носатого скривил губы, но все-таки лениво кивнул. Чего они, собственно, теряли? К тому же на халяву, как известно, и уксус сладкий, и хлорка творогом кажется.

- Ладно. Неси нам за дальний стол, тот, что у окна, пачку «Мальборо», два пива, вяленую корюшку и фисташки, - с ехидной ухмылкой процедил горбоносый битюг.

- Присаживайтесь, пожалуйста. Алла, прими заказ! - Туманов обернулся к обслуживающей других клиентов барменше.

- Слышь, халдей, тормозни, - вмешался в разговор второй троглодит. - Ты, часом, ничего больше не забыл?

- В смысле? - нарочито удивленно поднял брови и растерянно захопал глазами Никита. - Еще чего-нибудь хотите?

- Я те щас соображалку пробыю, в натуре!!! - рожа бандита побагровела. - Штуку гринов, я тя спрашиваю, приготовил, жмурик?!

- Я...это... ну... - сглотнул несуществующую слюну Туманов, отлично играя свою роль. Понуро опустив очи долу, выдал: - Д-да... как сказали... Только...

- Что «только»?! - угрожающе рыкнул другой бык.

- Нам, понимаете, на самом деле все равно кому платить, вам или другим, - заикаясь начал оправдываться менеджер. - Но вы все-таки сначала с нашей... э-э... бывшей «крышей» тему перетрите. Чтобы все по понятиям было. Без непоняток.

Ответ Никиты пришелся амбалам явно по душе. Губы их глумливо изогнулись. Похожий на жирного паука коротышка подался вперед и, нагнувшись через стойку, легонько, но крайне унизительно похлопал менеджера по щеке:

- У-умный мальчик! Не ссы, все будет чики-пики! С сегодняшнего дня максашь только «приморским». То есть нам. Так что лучше не микрофонь, а закусь с пивасиком тащи.

- Д-да, к-конечно, - пролепетал Никита и, обращаясь к барменше-официантке, строго бросил: - Алла, елы-палы, я же просил!..

Раздев смазливую грудастую девушку плотоядными взглядами, «сладкая парочка» наконец отлипла от стойки и вальяжно прошествовала к пустующему столику у окна. Вскоре официантка принесла им две кружки пива, сигареты, очищенный балык из корюшки и пиалку с орехами. Носатый амбал не удержался и смачно шлепнул Аллу ладонью по аппетитной заднице:

- Как насчет развлечься с настоящими мужиками, красивая?! Во сколько заканчиваешь?!

- Извините, я замужем.

- Дык, лапуля, я тоже не онанист. Ну и че?

- А то! Мой муж - офицер спецназа ФСБ, - сказала чистую правду барменша. Гордо задрав курносый носик, она собралась уже удалиться, но ее резко, словно клещами, схватили за запястье.

- Сто-ять, шкурка!!! Я тя не понял, в натуре. Ты че, наехала?!

- Отпусти руку, - ни на каплю не испугавшись наглого быка, девушка чуть прищурилась, смерила мордворота холодным взглядом, сжала губы и медленно, чеканя каждое слово, произнесла: - По-хорошему. Иначе мой Игорь с ребятами тебя сегодня же вечером на ужин съест. И не подавится. Убери руки, я сказала!..

На какую-то долю секунды у столика повисла напряженная тишина.

- Да на хую я его, красножопого, вертел, ясно тебе, соска задроченная?! - выпятив челюсть, глухо процедил расстроенный браток. Презрительно хмыкнув, он разжал пальцы и оттолкнул руку девушки с такой брезгливой мордой лица, словно это был извивающийся хвост болотной гадюки. Стараясь хоть как-то сохранить авторитет перед поделником, лениво бросил сквозь зубы: - Ладно, вали отсюда по-быстрому, шалава. Не до тебя сейчас, но после - потолкуем...

Аллочка торжествующе сверкнула миндалевидными зелеными глазами, эффектно развернулась на каблуках, гордо расправила стянутую белоснежной блузкой высокую грудь и, сильнее обычного виляя упакованными в эластичную мини-юбку аппетитными бедрами, направилась назад к стойке.

- Да лажу гонит, профура, - проводив официантку раздевающим взглядом, не удержался от комментария закуривающий сигарету паукообразный. - Цену набивает. Слышь, Пень.

- Заткнись! Спорим на столы, сегодня же эту лярву во все дыры отхарю, как доктор прописал? - скрипя зубами, прорычал уязвленный Пень и в порыве эмоций резко протянул братану раскрытую мозолистую грабку. - На фашистский крест лоханку порву, бя буду!!!

- Спорим. Забили, в натуре? - ушастый крепыш с заячьей губой вопросительно приподнял брови и, получив в ответ тяжелый взгляд из-под бровей, с видом явного удовлетворения стиснул протянутую ему корешем широкую качковскую длань.

Ситуация становилась интересной. Только вот проклятые конкуренты все никак не хотели появляться. С назначенного времени «стрелки» минуло уже четыре минуты, и такой расклад был не по понятиям. За опоздание, а тем более за «динамо» принято отвечать или деньгами, или кровью. Однако за такие дела жестокая кара ждала не только братков-фуфлогонов из вражеской группировки, но и, в первую очередь, - прикрученных ими барыг. Вот уж на ком легче легкого сорвать злость, получив от этого не только моральное, но и не хилое материальное возмещение! Так что вешайся, барыга! Сегодня тебя ждет веселый день...

Братки отхлебнули по глотку пива. Еще по одному. Кружки опустели. Судя по часам, конкуренты опаздывали уже на десять минут. Снаружи, у дверей бистро, топтался, то и дело заглядывая в зал через стеклянную витрину, прикрывающий тылы кореш с автоматом «узи» под пиджаком. Что ж, кажется, пора.

Однако подняться братки не успели - к столику с трубкой радиотелефона в руке уже стрижом летел менеджер.

- Это вас, - услужливо сообщил Никита и, еще раньше сообразив, кто здесь главный, протянул трубку носатому громиле.

- Ал-ло! - прорычал тот в телефон.

- Слышь, обзовись, братила, - без каких-либо предисловий грозно потребовал неизвестный собеседник.

- Мое погоняло Пень, из «приморских», - скрипнув зубами, глухо выдавил битюг. - С кем имею?

- Жорик. Откуда ты взялся, такой красивый?! - продолжал нагнетать ситуацию звонящий, вне всяких сомнений принадлежащий к нагло продинамившей «стрелку» группировке.

- За базаром следи, земля, а то как бы чего не вышло, - краснея от бешенства, прошипел Пень. - Ты вообще в курсах, что бывает за прогон фуфла? Мы на сколько стык забили?!..

- Стык по понятиям с людьми забивают, а ты - неизвестно что за прыщ на жопе, - глумливо фыркнул тот, что назвался Жориком. - Какие еще, к ебням, «приморцы»? Братва таких не знает.

- Не знает, так узнает! - не дрогнул носатый громила. - Ты про «карельскую» братву, надеюсь, слышал? Про то, что Мастер с Актером друг друга завалили.

- Ну, допустим, - слегка сбавил натиск Жорик. - Я также в курсах, что теперь мазу держит Стамп.

- Это кому как! - в голосе Пня отчетливо засквозил металл. - Большинство бригад действительно под Борюсика ушли и по-прежнему обзывают себя «карельскими». Но только не всем пацанам под этого шакала помойного, стукача мусорского, в кайф прогибаться. Вот тебе и ответ.

- Значит, ты из сепаратистов будешь? Ну-ну, - ухмыльнулся Жорик. - И кто же у вас, «приморских», за бугра?

- Влад Грач, - с гордостью сообщил Пень. - Слышал о таком?

- Слышал. Правильный пацан, - голос собеседника заметно изменился, потеплел. - Бригадиром был у Мастера. А теперь, значит, свою команду собрал. И много у вас бойцов-камикадзе? Пять стволов наберете? Или все десять?

- Не волнуйся, на тебя и твоих сявок хватит!!! - не на шутку вспылел Пень.

- Слышь, кореш, ты зубами-то на кого попадая не клацай, - на удивление спокойно ответил Жорик. - Лучше слушай, что тебе умные люди говорят, и не перебивай. Мы с Грачом, чтоб ты знал, старые знакомые. Еще в путяге на пару косяки смолили и сосок по подвалам на Ваське драли. То, что он от «карельских» откололся, я действительно был не в курсе. Когда это произошло?

- Позавчера, - буркнул носатый.

- Пон-нятно, - задумчиво пробормотал Жорик. - А ты сам-то давно с Владом?

- Два года почти.

- Тогда вот что, Пень. Расклад у нас с вами, «приморскими», будет такой. Стамп - урод голимый. И срать я на него хотел. К тому же ему недолго жить осталось, это я тебе говорю! А Грач - пацан правильный. И за то, что не побоялся с кучкой своих бойцов коdle Стампа вызов бросить, я его теперь еще больше уважаю. Так что передавай боссу привет, скажешь - от Жорика Кутаисского. Я сам ему вечером на трубочку наберу. Какой, ты говоришь, у Влада сейчас номер? - не давая Пню опомниться, словно между прочим спросил «браток».

- Какой был, такой и есть, - буркнул носатый отморозок. - 745-55-13.

- Все верно! - подтвердил Жорик. - Короче, насчет «Готланда» этого сраного. Отныне он ваш, без базара. Кстати, сегодня как раз срок платить. Договаривались на полторы штуки зеленых в месяц. Вот и получите, не отходя от кассы. Ха-ха! Пусть это будет моим подарком Грачу. Об остальном, и о Стампе в том числе, мы с ним отдельно перетрем, за рюмочкой. Чуть позже. Такая тема, земля. Ну что, ништяк?

- Ништяк, Жорж, - расплылся в довольной ухмылке Пень и показал не спускающему с него глаз напарнику большой палец. - Привет от тебя боссу передам прямо сейчас. Рад был познакомиться!

- Я тоже, братан, - снисходительно сказал капитан Лакин, не впервые заочно играющий роль прожженного бандита. - Все, Пень, бывай. Некогда ляды точить. Дела у меня.

- Пока, Жорж, - почти весело хрюкнул бритый битюг и отключил связь. Взглянул на подельника и коротко рассмеялся: - Нормалек, Боров. Наш кабак. Как только он узнал, что Грач со Стампом расплевался, сразу подарил точку нам. Понял, какие люди Папу уважают?! Так что прорвемся, не ссы.

- Сам не ссы, - беззлобно окрысился Боров. - А кто это вообще был? - спросил паукообразный.

- Сам Жорик Кутаисский, - вполголоса сказал Пень. - Теперь понял? То-то.

- Ни хрена себе! - покачал головой ушастый коротышка. - Крутой авторитет...

Ни один из бандюков так и не рискнул признаться подельнику, что сегодня слышал это гордое имя впервые в жизни. Что неудивительно - Лакин его буквально по ходу разговора выдумал.

Поманив пальцем менеджера Туманова, Пень с хитрым прищуром вернул ему трубку. Сообщил гордо, ковыряя зубочисткой в фиксаторе рту:

- Значит так, лабух. Передай своему мудаку-хозяину: отныне у вашей тошниловки другая «крыша». Мы. «Приморская» братва. С сегодняшнего дня будете первого числа каждого месяца максать две штуки баксов. Если вдруг чужие беспредельщики наедут - на вот, держи, - Пень извлек из нагрудного кармана пиджака визитку с номером телефона и швырнул на столик перед Никитой. - А сейчас пусть твоя соска наблатыканая принесет нам первый транш, три говядины по-французски, три салата из креветок под майонезом и три... нет, лучше сразу шесть бокалов светлого пива. Все, свободен! Бегом, я сказал!!!

Когда менеджер поспешно удалился, лысый достал крохотный мобильник и позвонил подельнику, который топтался снаружи с вольной:

- Крыса, все ништяк! Точка наша! Короче, давай к столу, сейчас хавчик принесут. Ага...

Только еще раз на шару пожрать-попить пребывающим в благодушном настроении бандюкам не пришлось. Не прошло и минуты после того, как смазливая барменша принесла заказ и деньги, как в зал, сразу с двух сторон - из подсобки и с улицы - торопливым шагом вошли четверо неизвестно откуда появившихся крепких мужиков в черной униформе. Лица бойцов скрывали спецназовские маски. В руках у каждого отливали воронением легкие автоматы «кипарис». Одновременно с визитом группы захвата ФСБ поднялись со своих мест четверо мужчин в штатском, спокойно сидевшие за соседними столиками с пивом. Носатый бык со товарищи даже рыпнуться не успели, как были взяты в кольцо.

- Ну что, господа рэкетеры, финита ля комедия, - сухим официальным тоном заговорил опер, предъявляя бандитам и всем присутствующим посетителям бистро в раскрытом виде удостоверение старшего лейтенанта Федеральной службы безопасности Игоря Круглова. - Поздравляю с контрольной покупкой. Только что вы взяты с поличным при успешной попытке вымогательства. Сейчас в присутствии понятых будет произведен ваш личный досмотр. Дергаться и гнуть пальцы, впрочем, так же, как и сквернословить, не советую. Здоровее будете. Чтобы не сгущать атмосферу, предлагаю добровольно и подчистую выдать имеющееся при себе огнестрельное и холодное оружие, наркотики, деньги и документы. Если при обыске отыщется хоть что-либо из вышеназванного, долгую реанимацию, импотенцию и нарушение дикции с прикусом гарантирую. Приступим, пожалуй.

- Вот же с-суки! - затравленно зыркая на группу захвата, сквозь зубы выругался Пень. Расклад нарисовался гнилой. Не могло быть и речи, чтобы вырваться из ловушки, в которую они угодили по воле рискнувшего жизнью и наступавшего по «ноль два» проклятого халдея. Только вот почему ФСБ, а не ОМОН или СОБР? За что такая честь?

- Хрен с вами, легавыми. Банкуйте, - на правах старшего прохрипел Пень и встретился потухшими глазами с поделниками. Боров беззвучно выматерился. А Крыса... Как бы этот отбитый боксер с расплюснутым носом не сморозил глупость, не взбрыкнул. Иначе «маски», уже на законном основании, откроют пальбу и положат всех троих прямо на месте. На что он рассчитывает, идиот?

- Сдаемся, - Пень, как мог, попытался образумить готового вот-вот взорваться Крысу. И первым аккуратно, медленно, выложил на стол вольту - компактную восьмимиллиметровую «беретту». Боров, на бледную рожу которого было больно смотреть, заметно трясущейся грабкой извлек из-за брючного ремня китайский ТТ со спиленным номером.

Крыса медлил. И только когда стоящий за его спиной боец нетерпеливо ткнул стволом автомата в его бритый затылок, отпустил длинную, громкую матерную тираду в адрес ментов и всех их «родственников» по линии силовых структур, снял с плеча свой драгоценный и любимый «узи» и размашистым жестом швырнул его в сторону, на пол.

- Я же предупреждал - вести себя культурно, - вздохнул старлей. - Сам напросился. Так что считай, что на стоматолога ты, клизма анальная, уже попал. Теперь, так же медленно, сдаем деньги и документы.

Пень, чуть не рыча от досады, послушно извлек из внутреннего кармана паспорт, документы на джип, ключи, не слишком пухлый лопатник и тонкую пачку меченых специальным составом проклятых долларов. Опустошили карманы и поделники. А потом...

Потом началась дьявольская карусель.

Левой рукой Крыса бросил на столик не только бумажник, но и отыскавшуюся в кармане упаковку презервативов. В это время его правая вдруг выскочила из-под пиджака с чем-то продолговатым и зеленым. Боксеру хватило доли секунды, чтобы вырвать чеку из гранаты и поднять ее над головой на всеобщее обозрение.

- Не шевелиться, бляди!!! - что было глотки заорал он, выпучив обильно налившиеся кровью пороссячьи глазки. - Всем на пол!!! На пол, я сказал!!! Если кто-нибудь дернется, я разожму пальцы и взорву весь этот гребаный кабак!!! Мне терять нечего, ясно, псы легавые?!! Ле-жа-ать, я сказал!!!

Спецназовцы даже не шелохнулись. Застыли, словно восковые статуи. В зале повисла абсолютная тишина, разбавленная только тихим гудением кондиционера и чьим-то громким, судорожным иканием.

- Зря ты так, - окаменев лицом, простуженным, хриплым голосом заговорил с бандитом уже другой чекист в штатском. На вид ему было около сорока. - Самого ведь первого на куски разорвет. И ради чего, спрашивается? Что тебе светит, если подумать? От силы пятерка. А если наймешь толкового адвоката, тот договорится со следком и с судьей, так вообще получишь по лимонаду. От силы года три. Потом еще, глядишь, и под амнистию попадешь. Подумай, стоит ли рисковать жизнью ради такой ерунды?

- А ты мне, сука, зубы не заговаривай!!! - взревел Крыса, медленно отступая к выходу. Голова

его в этот миг соображала туго. Поэтому, поддаваясь мгновенному прорыву эмоций, он надсадно выплюнул: – Что ты про меня знаешь?! Я на поганый трешник не рассчитываю!!! На мне три свежих мертвяка в Колпино, так что терять все равно нечего!!!

– О-ой, дурак, – даже застонал от такого идиотизма более сообразительный и трезвомыслящий Пень. – Кто тебя, уебка, за язык тянул, а?

– Это еще доказать надо!!! – оскалился взмокший от напряжения Крыса, непрерывно вертась и зыряка глазами по залу. – Только для начала возьмите меня!!! Спецна-а-аз!!! Да на х...ю я вас вертел, ясно?! Против лома нет приема!!! Козлы вонючие!!!

Решив, что одной гранаты для гарантированного успеха акции явно мало, свободной рукой Крыса взял со столика первый подвернувшийся ствол. Им оказался стоящий на предохранителе ТТ. Предохранитель следовало снять. Взгляд быка всего на мгновение скользнул вниз...

И тут произошло такое, чего до гробовой доски не забудет ни один из присутствовавших. Эпизод, занявший от силы три секунды, словно сошел в реальную жизнь тихого Ломоносова из крутого голливудского боевика.

Один из бойцов, к которому Крыса стоял боком, выстрелил из автомата. Пуля угодила Крысе прямо в жопу. Тот не успел даже заорать от полыхнувшей в заднице адской боли, как второй спецназовец, выронив оружие и вытянув вперед обе руки, оттолкнулся от пола и в стремительном прыжке настиг отморозка. Его широкие ладони мертвой хваткой сдавили сжимающую гранату руку, на дав бандиту ни малейшего шанса разжать пальцы. Они так и рухнули – сначала спецназовец, а затем вопящий боксер. В тот же миг третий боец тараном прыгнул на падающего быка, провел молниеносный захват за шею и через полсекунды уже сидел на спине Крысы, высоко заломив за спину вторую руку, выронившую так и не снятый с предохранителя пистолет. Из рта обездвиженного террориста вместе с хрипом вырывались целые потоки тягучей слюны...

Пень и Боров, став свидетелями четкой работы спецназа ФСБ, застыли соляными столпами, уронив челюсти. Возможно, только в эту секунду до крутых, как вареные яйца, бандитов впервые дошло, с кем они столкнулись.

Дальнейшее для быков происходило словно в тумане. Боясь даже моргнуть без спроса, грозные «приморцы» наблюдали, как два офицера в штатском осторожно извлекают из рук Крысы ручную противопехотную гранату Ф-1 и осторожно вставляют в нее чеку. Затем на запястьях братков защелкнулись стальные наручники.

Как ни странно, но когда Пня запикивали в автобус со шторками, он испытывал уже не разочарование неожиданным задержанием с поличным, а, скорее, ни с чем не сравнимое облегчение, которое может понять только летчик или автогонщик, чудом выживший в катастрофе. Нет, прав, сто раз прав был тот сухопарый мужик из «конторы», когда сравнивал несколько лет тюрьмы с ценностью целой жизни. Понять ее по-настоящему можно лишь после того, как однажды окажешься на самом краю пропасти...

И еще одна мысль не покидала Пня всю дорогу до следственного изолятора. Почему по звонку халдея на место так и не состоявшейся бандитской «стрелки» вместо ОМОНа или РУБОПа прибыли элитные патентованные волкодавы?

Догадаться об истинном раскладе браток смог уже в СИЗО. И то лишь после того, как узнал от соседа по камере – старого седого урки – о том, что никакого авторитета по кличке Жорик

Кутаисский в криминальном мире Санкт-Петербурга нет и никогда не было.

Глава четвертая

Игра началась

По само собой сложившейся традиции очередной, седьмой по счету, удачный «облом бычьих рогов» о барную стойку «Готланда» компаньоны отмечали скромно, поздним вечером, разместившись вдвоем в помпезно обзываемой директорским кабинетом тесной камерке быстро, только что закрывшего свои двери для последних посетителей. На столе была накрыта нехитрая полянка из стандартного набора закусок – домашние маринованные огурцы, прибалтийский черный хлеб грубого помола, полукопченая краковская колбаса, крохотные бутербродики с килькой и колечками лука. Из жидкого – только что изъятая из морозильника запотевшая поллитровка «Посольской» водки и натуральный томатный сок в бутылках.

Молча расселись за накрытым газеткой столиком друг против друга, на кожаных креслах, выпили по первой. Закусили чуток, разлили по второй. Однако гнать лошадей не стали, предпочли не спеша запалить сигареты.

Первым заговорил о неприятных подробностях сегодняшнего захвата Артем.

– Если честно признаться, старик, как только этот бык контуженный «лимонку» достал и чеку вырвал, я уж подумал, все, звиздец. Гора трупов под кучей кирпичей. – Грек дернул щекой, мотнул подбородком. – Ты глаза его безумные видел?

– Ясный перец, – кивнул капитан. – Такой мог, конечно. Теоретически. Но тут все было как по учебнику.

– Какому учебнику? – не понял Артем.

– Специальному, из тех, что ни в магазине, ни даже на книжном толчке не купишь. «Пособие по психологии террориста» называется. Авторы – полковник, бывший командир «Альфы», и группа профессоров из военного закрытого психинститута, что покруче Сербского будет. Нам в академии старые волкодавы подобную литературу пачками в мозги запихивали. – Лакин жадно затянулся дымом и задумчиво прищурился, видимо, вспоминая годы учебы в столичной высшей школе КГБ-ФСБ. – Короче, здесь, как с оружием. Если достал – стреляй сразу. А не смог – значит кишка тонка. В общем, реальный шанс, что этот урод... как там его?... Крыса... рискуя собственной шкурой, действительно швырнет гранату в толпу, был максимум один к сорока пяти. Наука, брат!

– Да какая там наука, – отмахнулся Грек. – Даже у козлов горных, тех, которые о двух ногах и свинину не едят, древняя поговорка есть: «Извлеченный из ножен кинжал должен обязательно напиться крови». Или что-то в этом духе. А, дескать, если не напоил перышко красненьким, – абзац тебе, джигит сраный.

– Ну да. Прямо как наша родная, русская туалетная живопись. Там тоже тема есть, только гораздо проще, без витиеватости: «Не хочешь срать – не мучай жо...» и так далее, – вернул Лакин порцию дворового пролетарского юмора. Артем положил сигарету на край пепельницы и, демонстративно поднимая крохотную пузатую рюмку, заметил:

– С головой у нашего бычьего переростка явные проблемы. Кстати, как насчет отдельной статистики по отморозкам, в плане процентов возможного эксцесса? У вашего ведомства вполне может найтись и...

- У нашего ведомства, как в Греции, может найтись все, - с законным чувством гордости за всемогущую «контору» перебил Макс. - Только вот что я тебе скажу, друг ситный. Рэкетеньш этот психический, что на Крысу отзывается, и не думал болванку свою бросать, - согласился Макс. - Особенно если принять во внимание, что страшная морда лица и была единственным козырем, который этот хмырь решил разыграть исключительно с целью вновь завладеть сданным под дулом автомата оружием. - Офицер ФСБ вопросительно посмотрел на бывшего институтского сокурсника, ожидая ответной реплики.

Артем, разумеется, врубился в тему сразу.

- Ты на что намекаешь, гражданин начальник? Граната оказалась фуфельная?!

- Так, Ручечник, оно и есть! Стандартная учебная болванка, хотя внешне и не отличить, - презрительно скривив тонкие губы, подтвердил капитан. - И что это доказывает? А только то, что в мозгах, как ты сейчас верно выразился, у этого «приморского» бандюгана, мать его ети, действительно полный фарш. Вместо того чтобы спокойно уехать на кичу, как поделщики, он вздумал спектакль разыгрывать, с прологом, пылкими признаниями и, хочется верить, заслуженным эпилогом. До которого мы еще пока не добрались, но непременно доберемся. Уже завтра все будет известно.

- Ты о двух трупах в Колпино?

- О них самых. Если там действительно двойная мокруха на днях была - абзац идиоту. Уж пристегнуть его к жмурам мы расстараяемся, не извольте беспокоиться!.. И сбачаем ему в канцелярии бесплатную путевочку на остров Каменный. Пусть ему тамошний священник, отец Павел, до смерти грехи отпускает. А если вдруг, падла, выкрутится - пусть до гробовой доски на нашего Санька Ильина молится. Как, бля, на икону чудотворную! За то, что в очко ему, обормоту, шмальнул, а не в черепушку. Иначе бы бедолажка тетя Поля до утра его скользкие мозги со стен отскребывала!!! - Лакин в сердцах дернул головой в сторону зала быстро, где сейчас работала уборщица - тихая, исполнительная и одинокая старушка. По волевому лицу Макса прошла короткая судорога. Капитан ФСБ залпом осушил стопку и, тупо глядя куда-то мимо Артема, в стену, громко хрумкнул огурчиком.

- Кстати, почему ваш Ильин на самом деле наверняка не шмальнул? Нервы посетителей пожалел? Или репутацию заведения? - опрокинув свою порцию ледяной водки, спросил Грек и подхватил с тарелки бутерброд с килькой.

- Целесообразность, - коротко ответил Макс, разливая сок по стаканам. - С расстояния в три шага пуля из «кипариса» вполне могла пробить дурную крысиную голову навывлет и попасть в кого-нибудь из ребят или посетителей. Хотя... возможно, будь на нашем месте доблестный ОМОН, кто-нибудь из бойцов и впрямь пальнул бы братку в тыкву. Эти обломы ментовские любят шоу среди бела дня устраивать на глазах у публики. Да и с быками у тамошних мужиков свои счеты. А у нас контора скромная, незаметная. Можно даже сказать - интеллигентная. И если бьет на поражение - значит, другого выхода не существует по определению. В данной же ситуации он был.

- Да уж, - поддержал Артем. - Кто-кто, а я уже имел возможность убедиться в вашей интеллигентности.

Некоторое время жевали молча, с аппетитом. Нарушил паузу Артем:

- Слушай, никогда тебя раньше не спрашивал, - Грек с прищуром и натянутой полуулыбкой взглянул на компаньона. - Как ты с архаровцами вашими расплачиваешься за их добровольное

содействие?

- Зачем тебе лишний головняк? - беззлобно фыркнул Макс. - Мы же договорились - вкладываемся поровну. Твое дело - вести бизнес, мое - обеспечивать прикрытие, то есть полную безопасность. За свой счет. Прибыль по-братски, пополам. Или что-то с тех пор изменилось?

- Да нет, шурави, просто любопытно, - не стусевался под колючим взглядом капитана Артем. - Можешь не отвечать, я не настаиваю. Ладно, замяли эту тему.

- Короче, старый. Запомни. От тебя у меня нет никаких секретов. Если дело не касается службы и интима. Хочешь знать - нет проблем. Я отстегиваю сто баксов за участие в захвате каждому из бойцов спецназа. Еще по полсотни - своим ребятам, операм. Их дело не стволами махать, а оформить задержание братков по закону. На круг выходит примерно полтонны зеленых за акцию, - открыл карты Лакин. - Теперь доволен?!

- Как удав на стекловате.

- Вот тогда и насыпай до краев! Слеза божья стынет.

- Честно говоря, я думал, ты максаяешь своим орлам больше, - взяв покрытую холодными каплями бутылку водки, Артем вновь наполнил рюмки. - Бойцы ведь, если разобраться, жизнью рискуют.

- Если разобраться, то они ею по пять раз за неделю рискуют, - спокойно сообщил капитан. - В месяц получается сколько? Двадцать, на круг. И за все про все получают от родного заботливого государства около восемнадцати тысяч рублей на нос. С вычетами - максимум пятнадцать. То есть примерно по двадцать пять баксов за операцию. Вот и прикинь, выгодно им за стольник зелени на меня «подхалтурить» или нет. Тем более, ты не забывай - каждый захват быков идет строго официально, как спланированная по доносу штатного осведомителя специальная операция. За успешный исход которой и опера, и спецназ рубят «палки» и имеют свой прямой гешефт от начальства.

- А как насчет адреса? Что ни стук - так очередной наезд на скромное ломоносовское бистро «Готланд». Начальство косо не смотрит? Думают, как пить дать, что коммерсантов крышуешь. Позоря доброе имя офицера ФСБ, - легонько подколол друга Артем.

- Никто ничего не думает, успокойся, - усмехнулся Лакин, снисходительно взглянув на компаньона. - Во-первых, кому надо, тот в курсе, что у меня есть законный доход на гражданке. Во-вторых, если бы на меня бельма косили - не видать мне майорской звезды на грядущий День России. А в-третьих, большинство наших генералов, не особенно таясь, уже давно и плотно курируют такие крутые коммерческие структуры, о которых нам, сошкам мелким, лучше даже не думать. Причем не платят бойцам ни копейки сверх оклада. Яволь, герр офицер?!

- Пожалуй, ты прав, Аркаша. Твоя попка шире. - Грек улыбнулся, но его лицо тут же застыло, стало задумчивым.

Макс раздавил в пепельнице окурочек сигареты, внимательно взглянул на компаньона сквозь топором висящий над столом сигаретный дым. Спросил тихо, с укором:

- Ты почему мне про смерть дяди своего героического ничего не сказал? Я от Ника Туманова случайно узнаю.

- А что рассказывать? - пожал плечами Артем. Упрек Лакина попал точно в цель: в настоящий момент он думал как раз о похоронах. Однако голос Артема был ровным, глухим, без каких либо трагических интонаций. - Дело семейное. Все там будем.

- С Киржачом у тебя тоже было «семейное дело», - жестко и по служебной привычке несколько бестактно напомнил Греку капитан. - Маму в Москву уже проводил?

- Вчера. Вечером.

- Не звонил туда сам? Ну, соболезнования родне выразить, и все такое. Как положено.

- Им сейчас не до меня, - покачал головой Артем и снова потянулся к бутылке. Но так и не взял - как раз в этот самый момент в кармане его пиджака зазвонил сотовый телефон. Артем достал крохотную голубую трубку «эрикссона», откинул невесомую панель:

- Да... Слушаю вас... Алло?! Говорите!

- Греков, Артем Александрович? - осведомился доносящийся сквозь треск помех сухой официальный голос.

- Да, это я, - Грек вдруг ощутил в груди неприятный холодок. - С кем я говорю?

- Майор милиции Радич, Дмитрий Борисович. ГУВД города Москвы. Боюсь, у нас для вас плохие новости. Если есть такая возможность, вы лучше, пожалуйста, присядьте.

- Что... что случилось? - перед глазами Артема все закачалось от страшного предчувствия. Из столицы местные менты могли звонить только по одному поводу.

- Сегодня вечером, в пять часов, автомашина «Мерседес»-500 госномер АА 421 МО, в которой находились ваша мать, а также ваша двоюродная сестра с мужем и еще один не опознанный пока мужчина, была остановлена на семьдесят третьем километре МКАД неизвестными, переодетыми в форму сотрудников милиции, после чего в упор расстреляна из автоматов с глушителями. Все, кто был в машине, к сожалению, погибли на месте. Поверьте, мне очень жаль... Вы слышите меня, Артем Александрович?

- Да, - прохрипел Грек.

- Следствие почти не сомневается, что причиной заказного убийства была работа... э-э мужа вашей двоюродной сестры в концерне «Газпром». Сейчас там такой передел творится, что сам черт ногу сломит. Артем Александрович, я понимаю ваше состояние и искренне сопереживаю вашему горю, но необходимо ваше личное присутствие на опознании тела. Да и мать вы, наверняка, захотите хоронить дома, а значит, придется оформлять документы и забирать гроб в Санкт-Петербург. В этом вам помогут, так что, думаю, в течение суток бумажные дела будут улажены... В общем, было бы очень хорошо, если бы мы могли встретиться не позднее, чем завтра после обеда. Вы как до Москвы будете добираться, на поезде или самолетом?

- Я... пока не знаю, майор, - с огромным трудом, после долгой паузы прошелестел в трубку Грек. Язык Артема одеревенел и не слушался, как после местного зубного наркоза. Во всем теле была абсолютная пустота. Он словно перестал существовать одновременно с получением страшного известия.

- На вечерний поезд вы, как я понимаю, сегодня уже не успеете, - деловито заметил майор Радич. - Остается только самолет или машина. Но я бы очень не советовал вам садиться за

руль в таком состоянии. Лучше будет, если вы позвоните мне сразу же, как купите билет на самолет и сообщите точное время прибытия. Я пришлю за вами служебную машину, и вас доставят прямо в морг, на опознание. Я буду там. А позже, если не возражаете, мы могли бы побеседовать с глазу на глаз. Значит, договорились, Артем Александрович?

- Я прилечу в Москву. Первым рейсом, на который будут билеты.

- Тогда запишите мой номер телефона. Я круглосуточно при трубке. Записываете? 745-12-34.

- Да.

- До встречи. Еще раз извините, что приходится сообщать вам такие новости, но такая уж у нас, ментов, блядская работа. До свидания. Примите мои соболезнования...

Артем молча захлопнул крышку мобильного, затем снова открыл ее и, медленно тыкая подрагивающим пальцем в светящиеся кнопки на крошечной консоли, записал в память трубки продиктованный столичным майором набор цифр. Убрал «эриксон» в карман пиджака, тупо уставился на покрытый газетой, уставленный закусками стол, взял влажную, ополовиненную бутылку водки и машинально приложился губами к горлышку. Медленно, глоток за глотком, выпил ее до самого дна. А затем, резко размахнувшись, с громким отчаянным воплем швырнул пустую бутылку в стену за спиной Лакина. Десятки острых осколков брызгами разлетелись по всему кабинету. Один, от ricochetив от стены, слегка оцарапал Греку скулу, чудом не угодив в глаз.

- Кто? - тихо спросил капитан ФСБ, глядя на уронившего лицо в ладони друга.

- Мама, - чуть слышно прохрипел Артем и медленно разжал пальцы. Макс поразился мертвенной бледности его лица. - Их убили. Всех. Расстреляли в упор машину, на МКАД. Из автоматов с глушителями.

- Е...ый в рот, - только и смог выдавить из себя капитан, до хруста в костяшках сжав кулаки. - Вторая часть марлезонского балета. Я лечу с тобой! Билеты на первый утренний самолет будут.

- Нет, Макс, - покачал головой Грек. - Я лечу один. Ты останешься здесь. Присмотришь за Анютой и Павликом. И... пожалуйста, пока не говори им ничего. Я сам. Если вдруг мне понадобится твоя помощь, я дам знать.

- У тебя кровь на щеке. Возьми платок.

- За Аню и сына отвечаешь головой, - не слыша Лакина, тихо выдавил Грек.

- Куда я, на хер, денусь с подводной лодки, - скрипнул зубами Макс и кивнул. - Держись, старик. И знай - ты всегда и во всем можешь на меня положиться.

- Я знаю, - чуть слышно прошептал Артем и снова закрыл лицо ладонями. В эту секунду единственным его желанием было глубоко вздохнуть, усилием воли заставить себя открыть глаза и проснуться.

Увы. Это был не сон, а самая что ни на есть реальность.

Глава пятая

Мусорская подстава, или еще раз о вреде длинного языка

Москва встретила Артема сверкающими всполохами молний и усиливающимся прямо на глазах холодным дождем. Похоже, еще немного – и аэропорт будет закрыт из-за погодных условий. Ему повезло – он успел. Только вот куда? Кому он поможет, прилетев в этот проклятый город на полтора часа раньше? Мама воскреснет? Сестра с ее погрязшим в мафиозных разборках магнатом-муженьком?

В памяти пребывающего в глубоком ступоре Грека вдруг сами собой всплыли строки из бессмертного стихотворения Владимира Высоцкого: «Как известно, в гости к Богу не бывает опозданий». Кажется, это звучало именно так. Или примерно так. С поры поголовного юношеского увлечения авторской песней минуло уже лет двадцать...

Подняв повыше воротник джинсовой куртки, Артем выбрался из автобуса и вошел в здание аэропорта, кишачее, несмотря на раннее утро, пассажирами и толпами встречающих. На плече Грека была только легкая сумка-портплед с самым необходимым мыльно-рыльно-пыльным набором для двух-трехдневного пребывания в столице. Обшарив глазами зал, он отыскал газетный киоск, возле которого была назначена встреча с гонцом майора Радича, и направился прямо к нему. Сделав несколько шагов по направлению и мельком взглянув на большие настенные часы, остановился и, поколебавшись секунду, направился к расположенным в другом конце просторного зала туалетам. Пять выпитых за время короткого часового рейса кружек с двойным кофе все-таки дали о себе знать...

Возле самой двери в туалет Артема чуть не сбила с ног торопливая эффектная дамочка средних лет, с длинными прямыми волосами и надетыми явно не по погоде модными солнцезащитными очками. Причем так неудачно, что умудрилась не только больно наступить острым каблуком Греку на ногу, споткнуться сама и чудом, не без помощи Артема, устоять на ногах, но и – раззява! – рассыпать по полу все многочисленное содержимое своей оказавшейся на редкость вместительной дамской сумочки. С полдюжины помад, вышитая бисером косметичка, пудреница, авторучка, пачка сигарет, зажигалка, презервативы, коробочка с мятными драже и еще бог весть что – все это богатство разлетелось в радиусе двух метров от места случайного столкновения.

- Простите, – скрипя зубами от острой боли, полыхающей в отдавленной стопе, вежливо извинился Артем, осторожно отпустил едва не растянувшуюся во весь рост симпатичную брюнетку и тут же, присев на корточки, принялся быстро собирать представшее на всеобщее обозрение содержимое дамской сумочки, в том числе и сугубо интимное.

- Нет, это вы меня простите, – смущенно улыбнулась женщина. – Ведь это я на вас налетела. Ой... спасибо большое, – смущенно произнесла брюнетка, когда Артем с отстраненным лицом протянул ей раздавленную в суতোлке кем-то из пассажиров упаковку с тампонами. – Мне, право, так неловко. Вы не ушиблись?! Мне показалось, я наступила вам на ногу шпилькой.

- Все нормально, – как можно более спокойно ответил Грек. Однако в его груди, под сердцем, что-то неуловимо шевельнулось. А в затылок словно легонько ударили резиновым молоточком. Ему показалось, что однажды, не так давно, он уже слышал этот вкрадчивый, почти шелестящий бархатный голос. Только вот где и когда? В Москве, которую он, коренной русский, чисто интуитивно недолюбливал за разноязыкий и разнолицый муравейник-базар? Здесь он не был года два. Значит, в Питере. Причем не так давно.

Сияясь вспомнить, где он мог видеть или слышать эту даму в стильном дорогом прикиде, Артем вдруг ни с того ни с сего ощутил, как у него по спине пробегают мурашки. Холодные такие,

неприятные. В том, что эта уверенная в себе, пахнувшая изысканным парфюмом и упакованная сплошь в фирму высокая стройная дама была ему абсолютно не знакома – по крайней мере в данном обличье, – Грек совершенно не сомневался.

– Еще раз простите меня! – поднявшись с корточек и попрощавшись, брюнетка, слегка виляя бедрами, направилась к двери в дамскую комнату.

Артем, проводив ее задумчивым взглядом, мотнул головой, словно прогоняя морок, и после короткого визита в мужской туалет занял место у газетно-журнального киоска.

Гонец от майора явно запаздывал. Со времени приземления питерского рейса прошло уже двенадцать минут. К тому же Греку очень хотелось курить. Он с суровым видом разглядывал каждого, кто входил в стеклянные двери аэропорта, пытаясь вычленив из суетливой толпы в десятки человек прибывшего по его душу милицейского водилу с Петровки.

Тот, зараза, все никак не появлялся. Зато к киоску вразвалочку приблизились двое ментов. Высокий молодой сержант лет около двадцати пяти, поигрывающий резиновой дубинкой, и внушительных габаритов пузыреобразный лейтенант с помятой щекастой рожей. На поясе лейтенанта висела явно не пустая пистолетная кобура.

– Сержант Рискулов. Ваши документы, – мельком переглянувшись со старшим, решительным, чуть нагловатым тоном потребовал долговязый.

– А в чем, собственно, дело? – довольно грубо бросил Грек. В его голосе отчетливо сквозило возникшее при виде ментов раздражение. – Я только что прилетел питерским рейсом. Сейчас за мной придет машина с Петровки.

– По мне хоть с Лубянки. Проверка паспортного режима, – заметно более нетерпеливо процедил пухлорожий лейтенант, на миг предательски вильнув лупоглазыми зенками. – Паспорт предъявите, гражданин.

Мысленно матюгнувшись, Артем молча достал документ, с кривой миной сунул его похмельному служаке. В который уже раз покосился на входные двери аэропорта. Где же этот долбаный водила?!

Слова, произнесенные через три секунды наспех пролиставшим его паспорт и без комментариев сунувшим его в свой нагрудный карман ментом, заставили челюсти Грека сжаться.

– Пройдемте с нами, – сержант, впери в Артема взгляд, недвусмысленно похлопал дубинкой по раскрытой ладони и кивнул куда-то в дальний конец зала. Там, по всей видимости, располагалось местное ментовское логово.

– Может, объяснишь, в чем проблемы, лейтенант?! – вскипел от такой наглости Грек. Лицо его стремительно налилось краской. – Ксива не в порядке? Или похмелиться не на что? Так ты попроси по-человечески, я дам!!!

– Рот закрой, трескоед-путешественник, – на щеке мордатого дернулся мускул. Лейтенант явно был чем-то взволнован. Да и напарник его вел себя странно, суетился, словно в трусы ему положили елайский перец. – Можешь считать, что на пятнадцать суток за оскорбление сотрудника при исполнении ты уже попал. А теперь, пока я не ткнул тебе в рыло ствол, а сержант не приложил дубиной промеж лопаток, тихонько иди во-о-он к той дверке. За багажным отделением.

- Слушай, я что, плохо выразился? Или ты по-русски ни бельмеса? - слегка сбавил тон Грек. - Отвали по-хорошему, пока большие дяди с Петровки, 38, тебе не объявили выговор с занесением... - Артем хотел добавить «в челюсть», но вовремя взял себя в руки. - Я же сказал - меня встречают. Оттуда. А по какой теме - не твое... аэропортовское дело. Ты лучше воров и наркокурьеров лови.

- Именно этим я сейчас и занимаюсь, - холодно ухмыльнувшись, лейтенант сделал знак сержанту и вдруг быстро выхватил из кобуры ПМ. - Я сказал - вперед, гражданин Абреков! Рыпнешься - получишь в рог дубиной. Не уймешься - бью на поражение. У меня приказ.

- Какой еще, на х... приказ?! - вконец озверел Артем, видя, что за ними трое начинают наблюдать зеваки. - Ну, ладно. Болт с вами. Только потом не плачьте, когда погоны слетят. Только если я задержан, имею право сделать один телефонный звонок. В ваше ГУВД. Майору Радичу, Михаилу Борисовичу. Вот с этой трубки, - решительно выхватив из куртки имеющий всероссийский роуминг сотовый телефон, Грек быстро откинул кнопочную панель, намереваясь нажать всего одну кнопку автонабора, связавшую бы его с майором, но где-то над самым ухом вдруг раздался характерный свист рассекающей воздух резиновой дубинки и на запястье гостя из Питера обрушился такой силы удар, что пальцы мгновенно разжались, а сам Артем чуть не взвыл от острой боли. Телефон упал на каменный пол зала и с треском раскололся на две половины. Дисплей полетел в одну сторону, батарея - в другую.

- Следующего предупреждения не будет, - лейтенант произнес эти слова таким угрожающим тоном, что Грек окончательно понял - дергаться и качать права бессмысленно. И вредно. Как для здоровья, так и для будущего благополучного исхода всей, неизвестно чем - и кем - вызванной, разборки с аэропортовскими мусорами. Как проболтался алконавт летеха, явно выполняющими чей-то приказ. Вот только чей? Впрочем, ждать осталось недолго. Должны же эти дуболомы, выпустив пар, рано или поздно объяснить задержанному, «где собака порылась».

Эх, сейчас бы всего один телефонный звонок!!! Вот же суки легавые!!!

- Ладно, дядя Степа, - глаза Артема недобро сузились, - веди в свой бомжатник. - Грек покосился на безнадежно испорченный мобильник, на дисплей которого, словно случайно, наступил ботинок обладателя двуручного «демократизатора», поправил висящую на плече сумку-портплед и покорно шагнул за двинувшимся к мусарне сержантом. Пыхтящий, словно паровоз, краснорожий толстяк, сторожко косясь на задержанного, конвоировал Грека справа.

- Знаешь, жаль мне тебя. Глядишь, так бы лет через десять, аккурат к пенсии, старлея получил. А теперь - суши сухари.

- Слышали уже, - ухмыльнулся лейтенант, сверкнув золотой фиксой. - Топаи давай! Слякоть питерская. Счас я тебе, блин, устрою гитлеровскую блокаду, по всей форме.

- Как скажешь, лимита уральская, - холодно парировал Артем и задумался. Что-то во всем этом публичном спектакле с пацанским препирательством было не так. Слишком уж хватко и без видимых оснований прицепились к нему эти легавые. Слишком уж спокойно себя чувствуют эти гоблины в погонах, при десятках свидетелей превратив в обломки дорогой сотовый телефон. Так не бывает. Если только...

Если этот концерт самым непосредственным образом не связан со вчерашней трагедией на МКАД! И звонком из Москвы с на редкость неожиданным предложением человека, назвавшегося майором с Петровки, прислать за ним в аэропорт персонального водилу на

служебной машине. Который, между прочим, в поле зрения так до сих пор и не появился.

В аэропортовский околоток Грек входил уже с полной уверенностью, что его подставляют. Нагло и целенаправленно. И вся эта бодяга с проверкой документов – формальный повод задержать его. А раз так, значит очень скоро, возможно, прямо сейчас, последует, как точно выразился вчера за бутылкой водки Макс Лакин, «вторая часть марлезонского балета».

Однако понять, что тебя подставляют, – это одно, а иметь возможность повлиять на ситуацию – совсем другое. Не вырубать же, в самом-то деле, обоих ментов прямо здесь, а самому второй раз за год бросаться в бега? С побегом, бог даст, успеется. Околоток – не тюрьма. Сейчас главное – узнать причину его внезапного задержания буквально у трапа самолета.

Артем, довольно бесцеремонно подталкиваемый в спину лейтенантом, перешагнул воображаемый порог мусарни и огляделся. Привычная казенная мебель, безликие декоративные панели на стенах, соответствующий скудный интерьер с украшенным протокольными рожами неизменным стендом «Их разыскивает милиция». За перегородкой – два стола, пульт связи с несколькими телефонами. Справа – примыкающая к стене тесная клетушка с отполированными сотнями задниц деревянными нарами. За решеткой томятся, с любопытством пялясь на вошедших, два всклокоченных, грязных организма мужского пола, находящихся в переходном состоянии между сильно пьющим ханыгой и деградировавшим животным. Все, как и следовало ожидать. Кроме одной существенной детали, которая сразу же, словно магнитом, притянула к себе взгляд Артема.

Посмотрев в сторону зарешеченного, выходящего на летное поле аэродрома окна, Грек на мгновение застыл как вкопанный, а затем криво, понимающе ухмыльнулся: там, сексуально закинув ногу на ногу, сидела и нервно курила длинную дамскую сигарету та самая фигуристая длинноволосая брюнетка в солнечных очках, с которой он случайно – ой ли? – столкнулся пять минут назад у дверей в туалет. Отдавленная ее острым каблуком стопа до сих пор тихо ныла.

– Вот теперь поговорим, – закрывая за собой дверь околотка, облегченно фыркнул лейтенант, глазами приказав задержанному подойти ближе к сразу же гордо расправившей грудь женщине и остановиться в трех шагах. – Вы узнаете этого типа, гражданка Смоленская?

– Да, – с высокомерным презрением сказала брюнетка. – Это он у меня деньги украл.

– Марат, давай сюда тех двоих, – оглянувшись на сержанта и недвусмысленно зыркнув глазами на «обезьянник», сухо приказал брылястый толстяк. – Будут понятыми. Хоть какой то с них толк...

– Кем, простите?! – холодно спросил Артем, хотя все уже и так понял.

– Свидетелями вашего личного досмотра, – не без злорадства ответил краснорожий. И, вновь обращаясь к брюнетке, попросил: – Расскажите, пожалуйста, еще раз, гражданка Смоленская, где, когда и при каких обстоятельствах вы познакомились с этим гражданином?

– Мы не знакомы, – брезгливо процедила дамочка. – Он просто налетел на меня несколько минут назад, здесь, в зале аэропорта. Чуть не сбил с ног, так что я даже выронила свою сумочку, – она указала глазами на лежащую на соседнем стуле кожаную сумку. – А затем извинился и, якобы помогая, принялся ползать по полу и класть все обратно. Сначала я, разумеется, ничего не заподозрила, но когда, буквально через пару минут, нужно было заплатить пять рублей за посещение женской комнаты, вдруг обнаружила, что пропал кошелек. Зеленый такой, с двумя отделениями.

- Сколько там точно было денег, не помните? - продолжал официальным тоном задавать вопросы толстяк.

- Около двух тысяч рублей и пятьсот евро, - без запинки сообщила Смоленская.

- Так. Ясно... Граждане понятые, внимание! - сурово глянув на вонючих бомжей, произнес лейтенант. - Сейчас в вашем присутствии будет произведен досмотр задержанного и его личных вещей. Марат, начинай.

- Стойте! Это - спланированная провокация. И вы, все трое, - Артем мельком встретился глазами с обоими мусорами и подсадной сучкой, - прекрасно это знаете. Поэтому я требую не проводить обыска до прибытия адвоката, - играя желваками, глухо выдавил Грек. - Я имею на это законное право!

- Ну, разумеется! Точно такое же, как гражданка Смоленская имеет право, согласно купленному ранее билету, через сорок пять минут улететь к себе домой. В Архангельск, - жестко отрезал лейтенант. - И я не вижу причин задерживать ее в Москве сверх необходимого для проведения мероприятия времени. Конечно, - тут же поправился мент, - только в случае, если пропавший кошелек будет найден и возвращен владелице. Что же касается адвоката, - осклабился толстяк, - то все зависит от результатов обыска. Если он даст результат, я обязан буду сообщить о данном случае вверх по инстанциям. Там решат, что с вами делать... Сержант! Приступайте! А вы, как вас там... не вздумайте дурить. Я шутить не люблю. И с ворьем у меня разговор короткий! Ясно? Давай, Рискулов!

В руке отошедшего на шаг назад похмельного потного мента вновь появился пистолет. Это был явный перебор. Грек, едва не скрипящий зубами от бессильной ярости, окончательно понял: дергаться бессмысленно. В случае сопротивления этот проспиртованный пузырь действительно будет стрелять на поражение. Замять свежий «огнестрел» будет легко, списав на сопротивление задержанного по горячим следам вора находящимся при исполнении сотрудником МВД. Вот же черт!

- Слушаюсь, товарищ лейтенант, - буркнул сержант. Отложив дубинку, напарник краснорозега отобрал у Артема портплед и положил его на обшарпанный столик у стены. Личный обыск начался с карманов джинсовой куртки Грека. В одном из них, боковом левом, и «нашелся» тот самый, якобы ловко украденный им у гражданки Смоленской кошелек. Внутри, как и было заявлено «потерпевшей», лежали две тысячи рублей с мелочью и пятьсот евро.

Грек на секунду закрыл глаза и попытался усилием воли взять себя в руки. Получалось плохо. Его буквально распирало от желания размазать по стенке обоих ментов и от души проучить действующую заодно с ними очкастую сучку. Как оказалось - опытную карманницу. Не удивительно, что в момент подсовывания фальшивой улики он совершенно ничего не почувствовал.

Однако, как вскоре выяснилось, в происходящем на глазах Артема фарсе кошельку отводилась лишь роль «цветочков». Ягодки нарисовались чуть позже, когда сержант продолжил обыск личных вещей Грека и, демонстративно присвистнув, вдруг извлек из закрытого на «молнию» (!) бокового отделения портпледа запаянный в прозрачный полиэтилен плотный шарик с белым порошком.

- А-а-а! - наигранно взвыл от радости лейтенант и с видом безоговорочного победителя в партии, с хитрым прищуром взглянул на заметно обескураженного вторым сокрушительным ударом Артема. - Так мы мало того, что кошельки у доверчивых дамочек вышибаем, так еще и

кокаинчиком на досуге балуемся?! Марат, как думаешь, сколько здесь дури?

- Грамма три, - взвесив в ладони запайку, деловито сказал сержант и протянул добычу старшему. - У того таджика, на прошлой неделе, мы около двух с половиной изъяли, так там заметно меньше было.

- Понятые все видели?! - пристально взглянул на бомжей краснорожий мент. Бродяги, видимо, специально отловленные для данной подставы и предварительно проинструктированные, молча кивнули в знак согласия. - Хорошо. Тогда подождите пять минут. Мы составим протокол изъятия, который вы должны будете подписать. А вас, гражданка Смоленская, я попрошу написать заявление о краже и расписку, где указано, что украденный у вас гражданином Грековым кошелек был возвращен вам со всем содержимым. Затем укажите для следствия свои подробные координаты в Архангельске и можете спокойно лететь домой. Вас вызовут через несколько месяцев. Уже непосредственно на суд...

Лейтенант-коротышка еще раз свысока гаденько посмотрел на возвышающегося над ним больше чем на голову Грека, убрал ПМ в кобуру и, разговаривая сам с собой, тихо и устало буркнул:

- Ну вот и ладушки. Марат! Запри этого ворюгу наркоманского в «обезьянник»! Что-то мне рожа его злая не нравится, как бы не взбрыкнул. А я пока доложу подполковнику о раскрытии нами кражи по горячим следам.

- А нам что делать? - осторожно подал голос один из бомжей.

- А вы... - стараясь не дышать исходящим от лохматых оборванцев терпким амбре, поморщился лейтенант, - подпишите протокол и так уж и быть... за добровольную помощь органам можете уе...ать на все четыре стороны. Оба ранее судимые, местные, так что если понадобится, вас разыщут. И чтобы духу вашего возле моего аэропорта не было!!!

- Да мы че? Мы ниче, - торопливо закивали обрадовавшиеся бродяги. - Как скажете, гражданин начальник.

Получив вскоре вождеденную свободу, вонючие доходяги спешно ретировались за дверь мусарни.

Сержант подвел Грека к пустующей распахнутой клетке и кивнул на нары:

- Ну что, наркот гребаный, добро пожаловать на парашу. - На роже мента появилась глумливая ухмылка. - У нас здесь, конечно, не СИЗО, однако ж антураж по теме. Так что привыкай к комфорту. На волю теперь уже не скоро попадешь. Лет, думется, через пять, а то и все семь! Гы-гы-гы!

- Я посмотрю, как ты через пару дней лаять будешь, сявка, - сквозь зубы процедил Грек.

Чуть коснувшись мента широким плечом, он медленно, с достоинством вошел в «обезьянник». За спиной тут же лязгнул давно не смазываемый замок. Переступив порог, гильотиной отделивший его от оставшейся снаружи свободы, Артем не стал садиться на нары. Он обернулся, до белизны в костяшках сжал пальцами холодные, в струпьях облупившийся краски, прутья, поймал глазами откровенно довольный взгляд успешно сработавшего «халтуру» похмельного лейтенанта и спокойно, вполголоса сказал:

- Ты, урод, тоже не радуйся. Готов спорить - ты ведь еще не понял, во что влип. В обществе с

ограниченной ответственностью по имени ФСБ очень, знаешь ли, не любят, когда всякое лежалое дерьмо вмешивается в дела конторы. В особенности если это дерьмо – вслепую купленный за бабки мелкий мент. Так что вымойся, смени трусы, нагнись и готовься получать удовольствие. Тля...

- Разберемся, – предательски вильнув взглядом, как-то на удивление вяло огрызнулся на оскорбление явно озадаченный мент, почувствовавший себя очень неуютно при упоминании о спецслужбах. Его реакция на угрозы задержанного питерца – лейтеха это видел – не осталась без внимания подельников. Особенно этой, скривившей напомаженные рабочие губки, присланной полковником в качестве «подсадной утки» аппетитной сучки. И чтобы хоть как-то загладить свое позорное замешательство, мент сделал индюшачью стойку, нацепил на опухшую рожу самое угрожающее выражение морды лица и рявкнул:

- А на будущее предупреждаю – еще раз подашь голос, прямиком отправишься в реанимацию!!! Я тебе устрою, сука, арест с сопротивлением!!! На всю оставшуюся жизнь меня запомнишь!!! Всосал, падла?!

Артем презрительно ухмыльнулся, как прожженный урка или бык, демонстративно сплюнул сквозь решетку на грязный пол «обезьянника» и, не сказав ни слова, перевел свой полный холодной неприязни взгляд на женщину, впервые за все время разыгранного как по нотам проклятого спектакля обращаясь к его главной героине, с авторучкой в руке задумчиво склонившейся над листком бумаги и, как ни в чем ни бывало, курящей коричневую дамскую сигарету:

- Ну а тебя, солнце ясное, за такие гнилые шутки я, будь уверена, разыщу и уважу первой. Лично.

- Устанешь пыль глотать, мальчик, – подняв на Грека почти кукольное, со знанием дела накрашенное личико без единой морщинки, глядя из-под дорогих черных очков, ласково улыбнулась роскошная дама. За последние десять-двенадцать лет уже вполне привыкшая откликаться на такое респектабельное и интеллигентное на слух имя-отчество, как Маргарита Львовна. Бывшая кадровая единица спецназа ГРУ СССР, а для молодых офицеров – настоящая живая легенда особого зарубежного отдела МО, поджала чувственные губы и предостерегающе покачала головой:

- Мой вам, юноша, первый и последний бесплатный совет – отдохните от этой мысли, раз и навсегда. Здоровье – слишком драгоценный дар, чтобы напрасно рисковать им. Вы же не глупый человек, должны понимать.

- Что именно?! – на застывшем лице Артема от прорвавшейся наружу ярости вздулись желваки. – Уточни, будь добра! А то я сегодня что-то с утра туг на голову! Видимо, от того, что не позавтракал!

- А ты сам разве еще не въехал, умник? Неужели думал, что все уже закончилось?! – вдруг резко утратив хладнокровие, перестав улыбаться и сменив тон, мстительно фыркнула шикарная дама. Шумно выдохнув, она послала в сторону Грека клубящуюся струю мятного сигаретного дыма. – Напрасно. Как любил поговаривать один молодой телеведущий, покойник, все только начинается. За тебя, лоха везучего, на этот раз взялись всерьез. И надолго. Так что с этой минуты твоя мускулистая будка стоит не больше ржавой копейки. И от того, насколько быстро ты прикинешь буй к носу, напрямую зависит вся твоя дальнейшая жизнь. Быть ей или, – в стеклянную пепельницу упал сбитый длинным алым накладным ногтем столбик пепла, – или не быть. Для начала разберись, что лучше – гнить живым в тюрьме или мертвым –

в болоте. Москва хоть и не старик-Питер, но за пределами Кольцевой дороги ничейной земли и укромных углов еще лет на сто вперед хватит... Так что не дергайся, пацан. Один раз тебе действительно круто повезло, но больше такой халявы не обломится.

- Вот, значит, как, - глаза Артема превратились в узкие щелки, губы сжались. - Ну что ж, спасибо за откровенность, заботливая ты моя!

Ответа не последовало. Грек зло ухмыльнулся и продолжил:

- Веселую перспективку ты мне нарисовала, нечего сказать! Да еще в открытую, в присутствии пары дырявых ослиных ушей, - Грек мельком бросил взгляд на прикинувшихся половой ветошью мусоров. - Знаешь, чтобы бросаться такими словами, нужно быть либо крутой, как корзина вареных яиц, либо неизлечимо больной на голову. Скажи, милая, по секрету, только честно... Ты, случаем, на досуге анонимного врача-психиатра не навещаешь? На предмет консультаций о регулярных приступах больной фантазии и наступающей на пятки мании величия?! Очень, знаешь ли, серьезный диагноз. Я бы даже больше сказал - в данном конкретном случае смертельно опасный!

На сей раз ответом Артему была лишь снисходительная, холодная как лед, полуулыбка. Гораздо больше похожая на оскал хищника.

Именно в эту самую секунду Грек хоть и с опозданием, но вспомнил, где и при каких обстоятельствах он слышал этот чуть хрипловатый, грудной голос. А вспомнив, сказал тихо:

- Насколько я понимаю, твоё красочное выступление - сплошной экспромт, и предварительным сценарием явно не предусматривалось?! Что, нервишки сдали?! Жаба душит за прошлогодний облом на Стачек?! Или ребра после знакомства криво срослись? А, Марго?.. Жаль, у комитетчиков руки до тебя не дошли. Глядишь, покопайся они недельку-другую в архивах, личное дело и отыскалось бы...

- Надо же, узнал все-таки. Сучонок, - дама покачала головой, пригладила челку и, тщательно скрывая вспыхнувшее раздражение на саму себя - за непростительную для профессионала несдержанность в словах, - излишне тщательно раздавила в пепельнице окурок тонкой коричневой сигареты. - Старею. М-да... Печально! А вы, - пристально, с легкой полуулыбкой взглянув на Артема, задумчиво пробормотала Марго, - на самом деле шустрый юноша. Далеко пойдете. Если останетесь живы.

- Я, с вашего позволения, поживу еще, - сухо ответил Грек. И чуть слышно прошептал одними губами, вспомнив строку из некогда популярной песенки времен Великой Отечественной: - Помирать нам рановато. Есть у нас еще дома дела...

Он все вспомнил. Он видел эту женщину в квартире Анюты на проспекте Славы. В ту самую злополучную ночь после стычки с усть-озернинским паханом, его свитой и телохранителями. Однако в прошлый раз сидящая сейчас в трех шагах от Артема и небрежно болтающая стройной ножкой эффектная сексуальная дама выглядела совершенно иначе - замороженной жизнью, уставшей от беспросветного существования в этой блядской стране, бедно одетой седеющей теткой лет пятидесяти с хвостиком. Позвонив в дверь в половине второго ночи, она представилась почтальоном и вынудила Анюту отпереть хитрый японский замок.

Значит, прикинул Грек, у стоящего за кулисами сегодняшнего представления кукловода после торопливого бегства из Усть-Озернинска осталось не слишком много толковых сообщников, способных оказать реальное содействие в реализации коварного плана мести. Именно поэтому, рискуя быть с ходу вычисленным, «режиссер» был вынужден поручить реализацию ключевой

части подставы именно Марго. Или как там на самом деле кличут эту хитрую битую суку.

Словно в калейдоскопе, сложилась картинка. Только вот пейзаж, что и говорить, выпал откровенно скверный. Для заточенного в железной клетке аэропортовской мусарни Артема больше не существовало вопроса, кто именно отдал приказ сообщить ему о жестоком убийстве мамы и двоюродной сестры с мужем. А затем, таким жестоким способом в одночасье выманив его из Петербурга в столицу, разыграть фарс с арестом вора за кражу кошелька и, до кучи, за хранение подсудной дозы тяжелых наркотиков.

Эту тварь звали Киржач В. А. Потеряв свое влияние в насквозь пропахшем нефтью портовом городке и едва не угодив из роскошного кабинета в тамошней мэрии напрямиком на колымский лесоповал, паскуда Витек, оказывается, не угомонился. Сбежав в Москву, оплеванный, лишенный сытной кормушки экс-чиновник времени даром не терял, а, наладив нужные связи, решил взять реванш в златоглавой.

Короче, расклад был ясен, как божий день. Крапленые карты, вопреки гнусным планам «каталы», вскрылись уже на второй сдаче, сломав его планы до поры-до времени оставаться за кадром. Значит, этот упырь сразу поперет напролом, как бульдозер. Что, мягко говоря, не сулило Артему ничего хорошего. После непростительной несдержанности Марго, в порыве эмоций случайно (?) сболтнувшей много лишнего, у этого отморозка теперь нет выхода. Как в поговорке: – или грудь в крестах, или голова в кустах. Киржач кто угодно, но только не дурак. Въезжает в тему. Сообразит быстро: стоит Артему хоть на минуту добраться до телефона и отзвониться в Питер своему «комитетскому» дружку Максиму – на дурно папахивающей авантюре можно ставить большой и жирный крест. Не пройдет и суток, как Грек окажется на свободе, и тогда дичь и охотник во второй раз поменяются местами. С той разницей, что теперь отдача не ограничится законными методами. А значит, геморрой на жопу не заставит себя долго ждать...

Впрочем, положительный момент в начале игры в открытую тоже был. И – отнюдь не маленький. Артем был на сто процентов уверен: – мама, а вместе с ней и Светлана с мужем, живы. Известие о расстреле газпромовского «мерседеса» на МКАД – ложь! Слава богу...

Грек не моргая смотрел, как наемница, двумя фразами сломавшая всю киржачскую комбинацию, покрывала лист бумаги убористым каллиграфическим почерком, сочиняя заведомо лживый, щедро оплаченный Киржачом милицейский роман для служебного пользования, и в груди его все кипело от ярости. В висках натужно стучала кровь, зубы скрипели:

«Хочешь отплатить мне той же монетой, сволочь?! Попробуй. Тюрьма так тюрьма. Я даже не слишком удивлюсь, если окажется, что в одном из местных ИВС или СИЗО у тебя тоже есть должным образом проинструктированные друзья из числа вертухаев. Это ничего. За колючей проволокой и решетками не все отморозки, люди тоже встречаются. Нужно только не сломаться. В конце концов будет шанс нанести ответный удар. Рано или поздно. Иначе не может быть. Только бы хватило сил. Хватило желаний выкарабкаться для того, чтобы поставить жирную красную точку. Раз – и навсегда».

Шумно вздохнув, Артем медленно отпустил прутья и, мгновение поколебавшись, сделал два шага назад, тяжело упал на деревянную скамейку «обезьянника», прислонился спиной к стене и устало прикрыл веки.

Перед его глазами возникла улыбающаяся, знакомая до рыготы рожа провинциального олигарха.

Глава шестая

Русская Мата Хари

Покончив с формальностями и доиграв до конца щедро оплаченное Киржачом представление, Маргарита Львовна в последний раз взглянула на неподвижно сидящего с закрытыми глазами Артема. Затем бросила легавым вежливое «до свидания», подиумной походкой покинула пропахший пылью, старой мебелью и терпким мужицким потом вкупе с алкогольным выхлопом милицейский гадюшник.

Выйдя из здания аэропорта, женщина села в оставленную на платной охраняемой стоянке черную спортивную «тойоту» с тонированными стеклами, достала мобильный телефон и по памяти набрала номер Виктора. Ответили после первого же гудка - последние два часа Киржач не находил себе места и извелся до белого каления. Ждал, гондон рваный, результатов операции по грамотному упаковыванию питерского гостя в кутузку.

Конец ознакомительного фрагмента. Полный текст доступен на www.litres.ru